

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

НЕ ЖАЛЕЮ,
НЕ ЗОВУ,
НЕ ПЛАЧУ

Владимир Григорьевич Колычев
Не жалею, не зову, не плачу
Серия «Колычев. Мастер
криминальной интриги»
Серия «Колычев. Русский шансон»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171205

Не жалею, не зову, не плачу: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-31148-4

Аннотация

Бывший морпех Михаил Трохин никогда не заискивал перед теми, кто был сильнее. И когда бандиты взяли в заложники его семью, он не стал просить пощады, а расправился с ними. И так всегда в подобных ситуациях. Поэтому он и согласился на «работу», которую предложил ему старый друг Олег, – убирать криминальных авторитетов. Михаил думал, что делает благое дело, но все оказалось совсем не так...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	36
Глава 4	51
Глава 5	61
Глава 6	80
Глава 7	83
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Владимир Колычев

Не жалею, не зову, не плачу

Часть первая

Глава 1

Заводная музыка, бешеный драйв. Стриптизерша на помосте срывает лифчик, а бурлящий в крови адреналин – крышу. Косячок под коньячок – даже очень... Одна проблема – девчонки слишком дорогие. Гоша Лысый понимал, что это клубные красотки, подсадные, морочат голову парням пустыми разговорами, раскручивают их на дорогие напитки. Понимал, но ничего не мог с собой поделать. Только-только из лагеря, еще свободной жизни полной грудью не вдохнул. Тянет его на сладкие блюда с острой начинкой. И Витек с Муратом во вкус вошли – лапают навязчивых консуматорш за голые ляжки; те хихикают и все подзывают к себе официанток. И плевать им, что Гоша почти на нулях; нечем будет оплатить счет, который вот-вот подадут. Заведение дорогое, персонал вежливый, но клиентов рассчитывают каждые пол-

часа, чтобы никто не сбежал без оплаты.

А с шестов слетели оголившиеся танцовщицы. И как листья посыпались в зал. Гоша и понять ничего не успел, как перед глазами закачалась лоснящаяся от пота «копилка» в стрингах. Девушке нужны деньги – она старается, а Гоша не может ударить в грязь лицом. Есть у него еще несколько соток, их он и сунул под резинку. И Витек с Муратом в прорези межъягодичных прицелов, но у них денег нет, они бесовестно машут на Гошу. Он вчера блефовал перед ними, он заказывал на сегодня банкет, он грозился за все заплатить. Десять тысяч у него было – думал, хватит... Как уж бы...

До стриптизерши дошло, что денег у него нет. Губы она скривила в фальшивой улыбке, а презрение в глазах мелькнуло самое что ни на есть искреннее... Девушка упорхнула в поисках более состоятельного клиента и нашла его. Гоша с завистью смотрел на парня в клубном пиджаке, который с неподдельной небрежностью сунул танцовщице под резинку сразу несколько тысячных купюр. Типичный баловень судьбы – еще не оперившийся фанфарон с полными карманами денег; наверняка предки балуют... Гоша зло стиснул зубы. Он в зоне капусту гнилую в пустых щах вылавливал, а этот красавчик в клубках жировал. Где, спрашивается, справедливость?..

Его внимание отвлекла официантка в короткой красной юбке. Улыбка до ушей, в глазах восторг, а в руке папочка с чеком. Гоша небрежно махнул рукой, показывая, что счет

можно положить на стол: за ним, дескать, не заржавеет.

А юный толстосум тем временем хлопнул красотку по голлой заднице, поднялся. Гоша решил, что парень уйдет с ней в приват-комнату, но нет, он направился в сторону туалета. Видать, приспичило...

Гоша выждал пару минут и со страдальческим видом поднялся из-за столика.

– Отолью, – громко сказал он.

Но музыка заглушила его слова. Впрочем, Витек все равно понял. И с понимающим видом махнул свободной рукой. А вторая рука его под юбкой у хихикающей девицы. Как бы она не раскрутила его на часок, тысяч за семь-восемь... Впрочем, все равно нечем расплачиваться. Хотя кто его знает, что ждет в ближайшем будущем...

В туалетной комнате было относительно спокойно. Стены гудели от напора танцевальных ритмов, но людей здесь почти не было. Только пьяный мужик у фаянсового слива. Стоит, стряхивает. И в потолок зачем-то смотрит. А парня, за которым шел Гоша, не было. Но слышно, как за фанерной дверью кто-то тужится.

Гоша неспешно достал сигарету, закурил. Но медлительность в его движениях исчезла, едва только встряхнувшийся мужик вышел из сортира. Он с силой дернул на себя дверцу кабинки. Могла оторваться ручка, а щеколда выдержать, но вышло наоборот, в точности как на это Лысый и надеялся. Он распахнул дверь, рывком втиснулся в тесное простран-

ство, обхватил сидящего парня за голову, лицом вдавил его в свой живот. Только затем он закрыл за собой дверцу.

Силы в нем было столько, что ему хватало бы одной руки, чтобы удерживать жертву в таком положении. Но, закрыв дверь, он вжал голову в живот обеими руками. Парень не мог ни дышать, ни кричать, а Гоша фактически сидел на нем, вжимая в себя его лицо. Со стороны эта сцена могла бы показаться непристойной, но Гоша о том сейчас думал меньше всего. Ему нужен был результат, и он его получил. Жертва приказала долго жить. Но после нее должно было остаться и наследство.

Гоша не прочь был бы одолжить у покойничка пиджачок, уж больно хорошо тот смотрелся. Но две ходки за колючую проволоку многому его научили, и он бы ни за что на свете не надел на себя железобетонную улику... А деньги он забрал. Их в бумажнике было много – несколько пятитысячных бумажек оранжевого цвета и штук тридцать в бледно-зеленых купюрах. Все в рублях, никаких евро и долларов. Видать, уже не модно. Ну и времена пошли...

Деньги Гоша сунул себе в карман, а бумажник вернул покойнику. Приоткрыл дверь, выглянул в общую уборную. Никого. Быстро вышел из туалета, но уже в зале спохватился. Выпотрошенный бумажник был из глянцевой кожи, на ней остались отпечатки его пальцев. А они в картотеке у ментов – быть беде, если эксперты их обнаружат.

Он вернулся в туалетную комнату, но там уже толпился

народ. И бабка швабру по кафельному полу возит. Покойника еще не обнаружили, но Гоша нутром почуял, что это вот-вот случится.

Нюх на опасность его не подвел. Он уже справил быструю нужду, когда услышал за спиной возмущенный возглас уборщицы:

– Ну-у, засранец! Надо ж так надраться!

Гоша неторопливо, но быстро застегнулся. Заглянул в раскрытую кабинку. Парень находился все в том же положении, в котором он его оставил. Сидел на унитазе со спущенными штанами, плечом и головой приткнувшись к фанерной стенке. Со стороны действительно могло показаться, что человек смертельно пьян.

Техничка тронула покойника за плечо.

– Эй, очнись! – тихонько потребовала она. И уже громче: – Совсем никакой!

Гоша стоял у нее за спиной с беспечным видом случайного прохожего.

– Может, обкурился? – спросил он, вспомнив, что сам не так давно взрывал косяк.

– Не знаю...

Техничка взглядом потребовала у него освободить дорогу; охая, вышла из туалетной комнаты. Но Гоша не мог залезть покойнику в карман: рядом с ним стоял и хлюпал носом долговязый очкарик. Страшновато было пареньку, но интересно. Гоша едва сдержался, чтобы не двинуть ему лок-

тем в живот.

Очкарик как будто почувствовал исходящую от него опасность, вышел из туалета. Но вместо него появилась уборщица и следовавший за ней охранник с рацией в руке.

Охранник думал недолго. Глянув на виновника сортирных страстей, он приложил два пальца к его шее:

– О-о! Да он готов!.. Милицию надо вызывать. И «Скорую». Или лучше «катафалк».

– Точно, обкурился, – глянув на Гошу, потрясенно сказала бабка.

– Или от запора помер, – кивнул тот. – Так тужился, что сосуд в голове лопнул...

– Может, и сосуд, – покосившись на Гошу, кивнул охранник. – Может, еще что?... А ты кто такой?

– Да я тут проездом, к унитазу.

– Ну, тогда давай проезжай.

Гоша упрямотовать не стал. Пожал плечами и с беспечным видом направился в зал, смакуя в уме собственную версию. От запора парень умер, так менты пусть и думают. А он гулять будет. Никто не видел, как он выходил из кабинки сразу после «мокрого». Зато его видели в числе зевак, что снимало с него подозрения...

За его столиком сидели только Витек и Мурат. Консуматорш не было и в помине, вместо них парней развлекали два охранника с вежливыми улыбками и ледяными глазами. Витек и Мурат что-то им объясняли; увидев Гошу, радостно

замахали руками.

– У него бабки, он платит.

– Не вопрос, мужики...

Гоша плюхнулся в свое кресло, сунул в папочку со счетом три тысячные купюры. Появившаяся официантка с милой улыбкой забрала деньги, охранники, сухо извинившись, растворились в гремящей полутьме. И девочки тут как тут... Но Гоша не мог простить им измены. Поняли, сучки, что нечем им больше поживиться за этим столом, и слиняли. А сейчас снова рады мед полной ложкой есть.

– Пошла!

Он грубо оттолкнул подсевшую к нему блондинку в сербристых бюстье-топ и шортиках-слип. Глянув на него, Витек шлепнул по заднице красотку в таком же откровенном наряде.

– А так делать нельзя! – взвизгнув, сказала та.

– Да иди ты, коза!

Гоша дождался, когда к нему со сцены спорхнет белокурая милашка с открытой грудью. Сунул ей под трусики одну бледно-зеленую купюру, другую... Она отчаянно крутила перед ним задницей, гладила бедрами его колени, пока не поняла, что денег за это больше не получит. Тогда она сменила тактику.

– Может, в приват? – страстно прошептала ему на ушко.

– Давно пора...

В кулуарах она мягко толкнула Гошу в грудь, так, чтобы

он сел на очень низкий и мягкий диван. Сидеть на нем было очень удобно, но так просто с него не подняться. А девушка танцевала для него так, что не было сил терпеть. Все-таки он поднялся, поймал ее за талию.

– Хочу в полный контакт!

– У нас так нельзя, – мотнула она головой. И с ласковой улыбкой на губах предупредила: – За нами смотрят, и, если не успокоишься, здесь будут наши мальчики...

– А так?

Гоша достал из кармана несколько пятитысячных купюр.

– Ну, если так, то можно...

Она ловко смахнула деньги с руки, выскользнула из его объятий. В танце сняла с себя трусики, завернула в них купюры и забросила узелок куда-то за стоявшее в углу кресло. А сама вместе с Гошей рухнула на диван. Он едва успел вынуть из-за пояса и положить на пол свой пистолет, чтобы она ненароком не перепутала его кое с чем другим...

Когда Гоша вернулся к друзьям, народу в клубе заметно поубавилось. Витек дремал, Мурат тянул коньяк из бокала.

– Чего так долго? – недовольно спросил он.

– Долго? – хмыкнул Гоша. – Слишком быстро... Какая телка!

– У меня баблосов нет.

– Я ж вам пять штук оставлял.

– Когда это было!

– Ну ты вообще... Ну, что, до дому, до хаты?

– Я тоже телку хочу.

– Не вопрос. По Ленинградской прошвырнемся, там должны стоять. Там за полштуки все, что угодно...

Гоша знал, что говорил. Сам недавно развлекался с уличной проституткой. Каких-то пятьсот рублей за сеанс. А здесь в приватной комнате за какой-то час он выбросил штук тридцать... Хорошо еще, что деньги легко поднял. А то бы жаба сейчас душила...

– На чем прошвырнемся? Тачка нужна...

– Мурат, я не понял, ты пацан или «что, где, когда»? Сам думай, где тачку взять.

– Да я знаю.

– Ну и отлично, – ухмыльнулся Гоша.

Тачку они угонят. Сам он в этих делах не самый большой мастер, зато Витек спец. Покатаются на машинке, а потом продадут: есть люди, которые товар принимают. Гоша знал одного...

Они уже собирались уходить, когда со стороны главного входа показались люди с цепкими взглядами. Ментов Гоша чуял за версту. Все бы ничего, но шли они прямо на него. Рядом с ними охранник, он показывал рукой на Гошу. За ними шла та самая танцовщица, с которой он закрутил в привате... Охранник видел Гошу в сортире; еще кто-то сказал, что он мог отправиться туда вслед за жертвой: стриптизерша заявила, что у него было много денег. Менты прикинули палец к носу, сложили все в картинку. Сейчас они проверят у

Гоши документы, а у него только справка об освобождении. Дальше – «обезьянник», допросы, выяснения. Ну а когда результат дактилоскопической экспертизы придет, тогда на Гоше можно будет ставить решетку... В тюрьме жить можно, но ему туда неохота. Уж лучше в бега...

А еще стриптизерша могла рассказать ментам про пистолет... Он торговал оружием еще пять лет назад, пока не сгорел на одной сделке. Целая партия пистолетов «ТТ» китайского производства; дешевая, но убойная штамповка. Несколько «стволов» остались в тайнике – один он взял себе, два отдал своим друзьям. На всякий случай. Правда, сегодня они чуть не спалились на входе в клуб, когда проходили через рамку металлодетектора. Но, видно, аппарат не работал и стоял в холле чисто для мебели, поэтому оружие было при себе... Охрана прошляпила «ствол», зато стриптизерша сказала свое слово. Тварь...

– Когти рвем, ля!

Он знал, что через коридор с приватными комнатами можно пройти к служебному входу. Туда он и рванул, увлекая за собой парней.

– Стоять! – услышал он за спиной зычный голос.

Но менты не только кричали, они еще и бежали. А пьяный в зюю Витек движется, как в штаны навалил, еле поршнями шевелит. Ему-то в принципе бояться нечего, но если его возьмут за жабры, он сдаст самого Гошу. Но убивать его нельзя. Лучше ментов уложить...

Гоша на ходу вытащил из-за пояса «ТТ», передернул затвор, в дверях обернулся, выстрелил в преследователей. Попасть не попал, но кураж сбил. Пока менты расчехлят свои пушки, он будет уже далеко... Но Витек два раза упал, пока они спустились по лестнице со второго на первый этаж. И еще растянулся на полу возле самого служебного входа. К тому же время ушло на охранника, пытавшегося преградить им путь. Гоша собирался выстрелить в него, но Мурат его опередил:

– На, сука!

Он выстрелил парню в живот. Но добил его сам Гоша – контрольным в голову. Он умел убивать, собаку в свое время на этом деле съел.

Гоша уже был на улице, когда за раскрытыми дверьми раздался выстрел. Пуля его не задела, но разозлил сам факт, что менты совсем рядом. Ночная улица пустынна, до ближайшего поворота метров двадцать, а то и больше – пока до него добежишь, менты сто раз успеют выстрелить... Но Гоша не побежал. Он встал у входа, дождался, когда преследователи выскочат на тротуар. Их было всего двое, и оба разом оказались в поле зрения. Пока они сообразили, что к чему, Гоша успел три раза нажать на спусковой крючок. И Мурат сделал несколько выстрелов.

– Пацаны, а что, салют где-то? – тупо разглядывая ночное небо, спросил Витек.

Проснулся наконец.

– Щас из глаз брызнет, придурок!

Гоша толкнул его в спину:

– Крути педали! Бегом!

Они бежали по ночным улицам Хабаровска, через дворы, непонятно куда. Никто пока что их не преследовал, но Гоша понимал, что менты уже стоят на ушах. Вот-вот в городе объявят тревогу.

– А куда мы вообще бежим? – спросил, остановившись, Витек.

Похоже, он так и не понял, что происходит.

– К девочкам, на Ленинградскую, – криво усмехнулся Гоша и снова подтолкнул его в спину.

Но тот не мог уже бежать.

– Может, поедем? – захныкал он.

– На чем?

– Ну, посмотрим...

– В натуре, Лысый, – кивнул Мурат. – Ты же сам говорил, что тачка нужна...

– Нужна, – кивнул Гоша.

И осмотрелся. Они находились во дворе многоэтажного дома, а если точнее, в переходе от одного двора к другому, аккуратно возле мусорных баков. Вдоль подъездной дороги ночевало несколько автомобилей. Старенький «Фольксваген», крошка «Дэу», «Волга», «десятка». Небогатый выбор.

– Может, дальше пойдём? – спросил Мурат.

Гоша, соглашаясь, кивнул. Но только он сделал шаг в сто-

рону от мусорных баков, как откуда-то со спины полыхнул свет автомобильных фар.

– Крутая тачка! – не оборачиваясь, сказал Витек.

Он не мог видеть машину, и Гоша ему не поверил – хотя бы потому, что это мог быть ментовской «луноход». Он толкнул Витька за железный бак и сам спрятался, приготовив к бою пистолет.

Но стрелять не пришлось. К мусорке подъехал черный джип, остановился. Открылась водительская дверца, и наружу хлынули басы из аудиоколонок. Из машины выскочил взвинченный парень с мушкетерской бородкой. Он обогнул джип, нервно распахнул дверцу и выдернул из салона свою спутницу:

– На свалке тебя, суку, нашел! На свалку, ля, и возвращаю!

Девушка закрывала лицо руками, Гоша не мог сказать, какая она на внешность. Но если ее лицо так же хорошо, как фигурка, то на мусорку выбрасывалась настоящая красавица. И волосы у нее шикарные – пышные, светлые, разбросанные по плечам. Платье длинное, до колен, но слишком облегающее. Роскошный вырез на груди, а спина, та, считай, совсем голая... Такая девушка не могла не нравиться. Но Гошу сейчас больше интересовала машина. Водительская дверца открыта, ключ в замке зажигания, двигатель работает...

Парень подтащил ее к баку. Нет бы на этом остановиться, но его несло. Резко присев на корточки, он схватил девушку

за ноги так, чтобы оторвать ее от земли. Она была среднего роста, худенькая, он запросто смог бы перебросить ее тело через край мусорного бака. Но Гоша не стал ждать, когда он это сделает. Бесшумно подошел к нему сзади, сильно хлопнул по плечу:

– Это не так делается!

Парень, видно, решил, что имеет дело с помойным бомжом. И открыл было рот, чтобы заорать на него, но Гоша наотмашь ударил его рукоятью пистолета в висок. В мусорный бак он сбрасывал тело, избавленное от тяжести бумажника.

– Вот как это надо делать, – самодовольно оскалившись, сказал он девушке.

Она уже не закрывала лицо. Не сказать что писаная красавица, но хороша. Большие глаза, большая грудь, с трудом втиснутая в лиф платья.

– С возвращением тебя, краля! – Он залихватски подмигнул ей и заорал на Витька, увидев, как он втискивает свое тело на водительское сиденье: – Ты куда лезешь, баран!

За руль взялся Мурат, Витек расположился рядом. Гоша затолкал в салон девушку, сел рядом с ней.

Сначала он распотрошил бумажник. Ничего особенного, каких-то восемь тысяч рублей. И техпаспорт на машину осмотрел. Джип «Гранд Чероки», две тысячи шестого года выпуска – совсем еще новый... Только затем обратился к дрожащей от страха блондинке:

– Как зовут?

– Лика... А куда мы едем?

– А я сам не знаю... Мурат, куда мы едем?

– Да куда глаза глядят. Лишь бы из города...

– Кто вы?

– Упыри... Тебя же на свалке нашли. Ты что, не знаешь, что на свалке упыри живут? – хохотнул Гоша. – И хахаль твой не знал, гы... Ничего, будет теперь знать, как по ночам на свалку ездить. Если жив...

– Никто меня на свалке не находил... Остановите машину, я выйду...

Лика потянулась к дверной ручке, но Гоша схватил ее за руку:

– А это ты зря. На ходу выпрыгивать нельзя, убиться можно... Будешь лежать в морге, на разделочном столе. Спина голая, стол железный, холод ледяной. И сама вся голая. Грудь нараспашку, кто хочет, тот смотри. А потом резать будут...

Сначала он провел рукой по ее спине, затем – пальцем – по ее верхним полусферам. Девушка сжалась от страха; видно, представила, как ее тело будут кромсать скальпелем...

– А я не хочу, чтобы тебя резали. Потому что ты наша, родная.

– Ваша?! Родная?!

– Ну да. Мы же упыри, со свалки. Все, что на свалку выброшено, то наше – раз и навсегда.

– Никто меня не выбрасывал!

– Ну, как же! Мы же слышали! Твой кекс так и сказал: на

свалке нашел, на свалку и возвращаю.

– Это слова.

– Да, но слово сказано. Теперь ты наша. Что захотим с тобой, то и сделаем... Мурат, ты чего хочешь? – глумливо спросил Гоша.

– То и хочу! – похотливо хохотнул тот.

– А ты, Витек, того же хочешь?

Но Витек не ответил. Он спал, уложив голову на собственную руку, которой держался за поручень.

– Я знаю, чего он хочет... И кого я хочу, – осклабился Гоша. – Но ты не бойся, мы тебя не больно будем обижать. И не сейчас...

Мурат гнал машину по пустынным ночным улицам. Он держал курс на восток, в сторону китайской границы. В этом направлении он и выехал из города. Гоша на всякий случай приготовился к встрече с ментами, перезарядил свой «ТТ». Если в городе объявлена тревога, то на контрольных постах милиции сейчас большой шорох. Но, как это ни странно, никто даже не попытался остановить их машину.

Гоша облегченно вздохнул, когда город остался за спиной.

– Дальше куда? – спросил Мурат.

– На Бычиху пойдем. Оттуда до Китая рукой подать. Кент у меня там есть, он китаёсов через границу водит. И нас переведет... Дом у него свой, банька, все дела... Лику парить будем. Да, Лика?

– Я хочу домой, – заплакала девушка.

Но Гошу ее слезы совсем не трогали. Он хоть и не упырь, но эта блондинка принадлежит ему.

– Твой дом – это я. Привыкай... А будешь хныкать, я тебя успокою! – грозно сказал он.

И приставил к ее подбородку ствол пистолета:

– Или не будешь хныкать?

– Н-нет, н-не буду, – зубами отстучала она.

– Тогда спать. Завтра у тебя трудный день...

Сейчас ему не нужна женщина, но завтра снова захочется. Вот тогда ему и пригодится эта хорошая блондиночка. Да и Мурату была обещана баба...

Они ехали всю ночь – когда по шоссейным, когда по тряским проселочным дорогам. А рано утром в баке закончилось топливо.

– Приехали, твою мать! – громко выругался Мурат.

– Что такое? – встрепенулся проснувшийся Витек. – Приехали! Уже!.. А девочки где? – глядя на пустующий проселок за лобовым стеклом, спросил он.

– Здравствуйте, девочки! – хохотнул Гоша.

И локтем толкнул спавшую Лику:

– С тобой здороваются, не слышишь?

Девушка с тревогой смотрела на него красными спосонья глазами.

– Я хочу домой!

– И я хочу. К тебе... Пацаны, нам бензин нужен.

– Соляра, – поправил Гошу Мурат.

– Да хоть керосин...

– Тут поселок недалеко. Километров пять...

– Отлично. Кто пойдет?

– Ну, я не знаю, – замялся Мурат.

И многозначительно посмотрел на Витька. А Гоша взглядом показал ему на Лику:

– Кто пойдет, тому приз!

– Да не вопрос... Через пару часов буду! – встрепенулся Мурат.

– Так это, а если оба? – встряхнулся Витек.

– А угадай!

Парни ушли, а Гоша взялся за девушку. Оказалось, она очень хорошо понимала язык силы... Мурат был вторым. И Витек получил благодарность за вторую канистру солярки.

– А что дальше? – спросил Мурат.

Он совсем был не прочь забрать Лику с собой.

– Дальше китайские красотки, – усмехнулся Гоша.

– Эта лучше...

– Но ей уже пора к своему другу. – Гоша взглядом показал на небо.

Спокойно достал пистолет, направил на девушку ствол.

Лику не хотела умирать. Она каталась по земле, хватала Гошу за ноги, умоляя не убивать. И он сделал вид, что смилился:

– Ладно, живи. И домой можешь идти. Но учти: хоть слово скажешь про нас, я тебя из-под земли достану. Ты меня

поняла?

Девушка все поняла. И со всех ног бросилась прочь от машины. Гоша лишь посмеялся ей вслед.

– Зря ты ее отпустил, – покачал головой Мурат.

– Что, в баньке хотел с ней попариться? – ухмыльнулся

Гоша.

– Ну да.

– У тебя банька на примете есть?

– Но ты же говорил, что кореш у тебя в Бычихе.

– Нет там у меня никого.

– А чего тогда говорил?

– Кому я говорил, тебе? Я телке говорил. Телке про Бычиху, понял?... Ты думаешь, она ментам про нас не скажет?

– Скажет. В том-то и дело, что скажет.

– Вот и я про то... Менты будут думать, что мы за кордон отсюда ушли. А мы к Черным Горам пойдем. Там у меня точно кореш есть. И он точно китайцев через границу водит. И связи у него на той стороне. Короче, туда мы и дернем. А менты пусть нас тут ищут...

Гоша знал, что делал, когда заталкивал Лику в машину. Она была нужна ему не только для развлечения. С ее помощью он надеялся сбить с толку обозленных ментов.

Глава 2

Алена чуть не плакала от обиды. Танька первая начала, а она всего лишь ответила ей. Долго ведь терпела, почти два года. И только сейчас врезала ей, да так, что эта дура надолго запомнит... Ладно, если бы Нина Васильевна просто ее отругала, так нет, она еще и отца вызвала. Ему жалуется.

– Михаил Аркадьевич, даже не знаю, что делать, – сказала классная с видом, с каким жена бросает горсть земли на могилу покойного мужа. – Алена в последнее время стала такая агрессивная. И этот случай с Татьяной Халиковой... Алена ударила ее кулаком в лицо, выбила девочке зуб...

– Кто девочка? Танька? – скривилась Алена. – Нашли девочку!

Отец ничего не сказал, но вразумительно посмотрел на нее... Папа у нее интересный мужчина. Не будь она его дочкой, могла бы влюбиться. Рослый, статный, энергичный. Правда, древний уже, скоро сорок лет исполнится. Но для своих лет выглядит он хорошо, ни единой седой волосинки на голове. Аристократические черты лица, тонкий нос с благородной горбинкой. И в одежде чувствуется стиль... Он и раньше, когда семья бедствовала, следил за собой. Одевался не дорого, но так, чтобы выглядеть как интеллигент. Это у Таньки отец как был деревенщиной, так на всю жизнь им и останется. А у Алены папа – человек культурный, образо-

ванный...

– Ну вот, видите! – всплеснула руками Нина Васильевна. – В отношениях с одноклассниками ведет себя агрессивно, учителям грубит... Что дальше с ней будет, не знаю.

– Я думаю, лучше обойтись без прогнозов. А с Аленой я поговорю...

– Да-да. И насчет этого, карате надо бы поговорить. Вы с Аленой поговорите, а я с ее тренером...

– А вот этого не надо! – испуганно возмутилась Алена.

С папой она как-нибудь договорится, а с Чон Ли разговор будет короткий – применила силу в драке, прощай, секция. И не объяснишь ему, что Танька на голову выше, чем она, и весит в два раза больше. И удар у нее будь здоров. Однажды Алену так ударила, что у нее два дня голова болела. Злая она, Танька, язва натуральная, всех уже достала...

– Не надо ни с кем говорить, – просительным тоном сказал отец. – Алена два года занимается тхеквондо, ей очень нравится, и на учебе это сказалось положительно...

– Да, насчет учебы претензий к ней нет, – не могла не признать учительница.

– А насчет поведения у нас будет очень серьезный разговор.

– Очень на это надеюсь...

Из классного кабинета они вышли вместе. Папа был строг и мрачен, Алена сильно нервничала.

– Да, дочка, не ожидал я от тебя, – покачал он головой,

когда они вышли на школьный двор.

Нужно было пройти метров сто, к месту, где стояла отцовская машина. Он мог бы позволить себе дорогую машину в европейском исполнении, но до сих пор ездил на старом «японце» с правым рулем. Алена его не понимала.

– Танька сама виновата, – буркнула она. – Сама первая начала... Почему она говорит, что нас раскулачивать надо?

– Это не повод, чтобы драться.

– А еще она говорила, что мама меня от козла родила. Папа у меня козел, и я сама коза...

– Это у нее шутки такие глупые, – ничуть не смутился отец.

– Не глупые, а тупые. И сама он тупая. И тупо в зуб получила!

– И все равно ты не права.

Они подходили к машине, когда неожиданно путь преградил им Танькин отец. Низкорослый, но могучий на вид мужик. Руки сильные и длинные, как у орангутанга, ноги кривые, как у калмыка. А сам он татарин. Черный, круглолицый, глазки маленькие, злые. И хмурится он так, что брови – два черных конских хвоста – сплелись на переносице в узел. И дышал он так, что ноздри раздувались, как кузнечные мехи.

– Танькин отец, – подсказала Алена.

– Здравствуйте.

Папа протянул ему руку, но Халиков-старший грозно зарычал и толкнул его в грудь.

– Ты кому руку тянешь, козел?

– Зачем вы так? – восстановив равновесие, осуждающе сказал папа. – Надо сначала во всем разобраться.

– Сейчас и разберусь. С тобой. За твое отродье!

– Мы же с вами цивилизованные люди, – в надежде сгладить конфликтную ситуацию, с мягким упреком сказал папа.

– Вот набыю тебе сейчас морду, и будет тебе цивилизация! – пыхнул жаром Халиков.

– А перед законом ответить не боитесь?

– Что?! – возмущенно взвыл татарин.

Алена была возмущена не меньше. Отец должен был дать этому нахалу в морду, прямо сейчас, на месте, а он про какой-то закон говорит.

– Я бы не советовал вам делать глупости.

Удивительно, но папа не выглядел испуганным. Но в то же время он был далек от того, чтобы на силу ответить силой.

– Именно этим я сейчас и собираюсь заняться!

Халиков стал закатывать рукава, а папа стоял как вкопанный, с удивлением и осуждением глядя на татарина, который совсем не казался глупым.

И он бы ударил папу, если бы Алена его не опередила. Не должна она была этого делать, но... Халиков занес кулак, а она ударила его ногой в промежность. Била от бедра, усилив тем посылочный импульс. Танькин отец взвыл, как раненый лев.

Алена думала, что папа скажет ей спасибо, но он гневно

посмотрел на нее:

– Что ж ты наделала!..

Он должен был сесть вместе с ней в машину, похвалить ее за находчивость и силу, а он стал уговаривать Халикова не обижаться на нее:

– Она же совсем глупая, девчонка еще...

– Урррою... Всех урррою... – рычал Халиков, не в состоянии разогнуться от боли.

Даже до папы дошло, что говорить с ним бесполезно. Только тогда, махнув на него рукой, он сел в машину. Алена села вперед рядом с ним.

– Если позволишь, – не без ехидства сказала она.

– Что позволишь? – не понял он.

– Ну, сесть в машину. А то я такая плохая, что меня не в машину, а в тюрьму сажать надо.

– Я этого не говорил.

– А я говорю... Что я наделала! А что я наделала? Козлу по яйцам дала!

– Алена!!!

– А что Алена!.. Непротивление злу насилием! Ха-ха! Да он бы тебя размазал, если бы не я!

– Кто он?

– Да Танькин отец!

– Так и говори, Танькин отец. Не говори о людях – он, она.

– Не говори о людях. Не бей людей... Почему ты не дал ему по морде?

– Кому ему?

– Сам знаешь кому! И не надо отговариваться!.. Струсил, так и скажи!

Папа промолчал. И за всю дорогу к дому не проронил ни слова. Если он хотел, чтобы Алена почувствовала себя виновной, ему это удалось. Или почти удалось...

Он всегда был для нее примером. Добрый, умный, заботливый, а маму как любил – цветы по выходным, красивые слова на завтрак, обед и ужин. Алене уроки помогал делать, почем зря не ругал. Она уверена была в том, что в случае чего он сможет постоять и за нее, и за маму. Но сегодня папа очень сильно ее разочаровал. Оказывается, он слабак и трус... Но все же он ее отец. И хотя уважения к нему поубавилось, она по-прежнему любит его...

Алена не любила школу, в которой училась. Но ей очень нравился поселок, где она жила. А родительский дом она считала самым лучшим и красивым во всей округе... Если точнее, домов было несколько, и все – бревенчатые срубы, на большом участке прибрежной земли, – по сути, целый гостиничный комплекс, мотель. Относительно спокойная бухта, высокий скалистый берег, вид не просто живописный, а захватывающий дух. Рядом автотрасса на Владивосток, откуда приезжают туристы – кто на неделю-две, кто-то просто на выходные. Не сказать, что от клиентов нет отбоя, но семейные дела, в общем-то, идут неплохо. И придорожное кафе приносит прибыль. Вот-вот в школе прозвонит послед-

ний звонок, и Алена отправится на каникулы. Отдых ей не светит, придется помогать родителям по хозяйству, да еще за младшими братом и сестрой смотреть. Но лучше провести лето дома в работе, чем каждый день видеть ненавистную Таньку...

Отец остановил машину возле кафе, с рабочего входа. Не глянув на дочь, вышел. Делает вид, что поглощен делами, а сам дуется на Алenu. А на что ему обижаться? Сам виноват, что Халикову по морде не дал... Он ушел, а она продолжала сидеть в машине с гордо поднятой головой. Щеки раздуты, руки вызывающе скрещены на груди... Сейчас отец пожалуется маме, она придет разбираться с дочерью. Тогда Алена и расскажет, какой трусливый у нее муж.

Но время шло, а мама не появлялась. И даже Лешка с Катюшкой не бежали к старшей сестре. Все заняты своими делами, а до Алены и дела никому нет... Ну и пусть!..

Мама появилась только вечером, с первыми сумерками.

– Ты все еще здесь? – спросила она, нежно улыбнувшись.

Мама у нее красивая женщина. Стройная, ухоженная... Даже когда в семье не было денег, она умудрялась выглядеть не хуже фотомодели. Впрочем, она и сейчас не особо мудрствует, но смотрится на все сто... нет, не лет, конечно... Мама и близко не похожа на колхозницу-доярку, но от нее всегда пахло сладким топленным молоком. Красота у нее теплая, и сама она такая уютная... Не могла Алена злиться на нее. К тому же она ни в чем и не виновата. Это отец облажался,

а не она...

– Не хочу выходить, – недовольно сказала она.

Кресло, казалось, жгло спину – так хотелось поскорей выйти из машины. Но упрямство держало ее покрепче ремня безопасности.

– А надо.

Мама взяла ее за руку, и от упрямства не осталось и следа. Алена послушно покинула машину.

– Мама, а ты сильная женщина? – неожиданно для себя спросила она.

– Я? Сильная женщина?... – удивленно повела бровью мама. – Никогда не задумывалась над этим... А надо быть сильной женщиной?

– Да... Я, например, хочу быть сильной женщиной, – с вызовом сказала Алена.

– Твое желание закономерно. У тебя еще вся жизнь впереди. И у тебя еще нет мужчины, который мог бы тебя защитить от жизненных невзгод...

– А у тебя есть такой мужчина?

– Что за глупый вопрос?... Конечно же, у меня есть мужчина, который меня защищает. Это твой отец...

– Он не сможет тебя защитить. Пока все хорошо, он как бы может. А если вдруг что случится... Я не знаю, что будет тогда... То есть я знаю, но не хочу говорить...

– Не хочешь, не говори.

– Но я скажу... Папу сегодня ударить хотели, а он даже не

думал защищаться... Он что, слабак?

Мама рассерженно нахмурилась.

– Не надо так говорить.

– Хорошо, я молчу. Но ведь что было, то было...

– Что было? Ничего не было... Пошли в дом, тебе надо успокоиться.

Мама приготовила ванну с отваром липового цвета. Но перед тем как зайти в ванную комнату, Алена услышала знакомый рокот двигателя. Выглянула в окно и увидела, как со двора выезжает отцовская машина.

– Куда папа поехал? – встревоженно спросила она.

– В поселок, – невозмутимо ответила мама.

– Зачем?

– Хлеб в кафе закончился.

– У нас же своя хлебопечь.

– А мука?... Мука закончилась. За ней папа и поехал...

– Поздно уже.

– Совсем нет... А чего ты так разволновалась?

– Не знаю...

Алена действительно беспокоилась за папу. Он же слабый, его любой может обидеть...

Она приняла успокаивающую ванну, мама накормила ее, дала на ночь теплого молока с медом. Засыпая, Алена услышала голоса. Папа о чем-то тихо разговаривал с мамой. Значит, вернулся. И хорошо, что так... Пусть он и слабак, но все же она любит его...

А утром в школе Алену ожидал сюрприз. Танька сама первая подошла к ней.

– Привет, – смущенно поздоровалась она. – Как дела?

Что уже само по себе воспринималось как фантастическое событие.

– Не твое дело! – по привычке огрызнулась Алена.

– Ну не злись... – замирительно посмотрела на нее Танька.

– А что такое?

– Да ничего. Просто я подумала, что глупо жить как кошка с собакой...

– Ребята, давайте жить дружно? – хмыкнула Алена, вспомнив мультфильм про кота Леопольда.

– А почему бы и нет?

– Ну да...

– А ты, говорят, карате занимаешься?

– Тхеквондо. У Чон Ли.

– Я слышала... А можно и мне с тобой заниматься?

– Сдачи мне дать хочешь?

– Нет, что ты...

– Других обижать будешь?

– Ну нет... А тебе какое дело до других?

– Нет никакого дела. Я сама за себя!

– А давай быть друг за дружку!

– Ну, можно...

Из школы они выходили вместе. А на пути им попался Танькин отец. Здоровенный, мордастый, в солнцезащитных

очках. Алена решила, что это ловушка, в которую заманила ее новоявленная подруга. Но Халиков, как оказалось, и не думал мстить ей за вчерашнее.

– Здравствуй, Алена. Как дела?

Алена потрясенно смотрела на него. Что с ним случилось? Может, крыша дома на голову рухнула? И на его голову, и на Танькину...

– Ничего, нормально все...

– Домой подвезти?

– Не надо...

Алена уже увидела отцовскую «Тойоту».

– Как знаешь...

Халиков забрал свою дочь и уехал, помахав ей рукой. Алена села в подъехавшую машину.

– Как дела?

– Что вас всех сегодня интересуют мои дела?

– Кого это всех?

– Сначала Танька, потом ее отец...

– Отец не ругался?

– Нет... Добрый весь такой. Аж подозрительно.

– Что подозрительно? – улыбнулся папа с видом многознающего человека.

– Ты куда вчера вечером ездил? – осенило вдруг Алену.

– Я?! Соль закончилась, надо было купить.

– Ага! А мама говорила, что мука закончилась. Вы бы хоть с ней договорились... Знаю я, куда ты ездил! Ты с Халико-

вым разобрался!

Все-таки понял папа, что вел себя малодушно. Осознал свою ошибку и решил ее исправить.

– Как я мог с ним разобраться?

– Морду ему набил!.. А я еще думаю, чего это он в очках! А у него фингал под глазом!.. Папка, ты молодец!

– Да, молодец. Но только потому, что никому не бил, как ты говоришь, морду... Неужели ты думаешь, что, если бы я его избил, он был бы с тобой сегодня добрый?

– Нет, но...

– Что но?

– Ну, Таньке же я вчера выбила зуб, сегодня она добренькая...

– Зло порождает зло. А добро может породить только добро. Да, я был вчера у Халиковых. Но поверь, никого не бил. Мы поговорили с Эльдаром Халиловичем по душам, как мужчина с мужчиной...

– Что, и не дрались?

– Нет.

– И не ругались?

– Немного. Совсем чуть-чуть. В самом начале... Дело в том, что я сразу должен был предложить ему оплатить лечение его дочери. Я дал ему денег на новый керамический зуб. И еще летом Татьяна будет работать у нас... Пойми, худой мир лучше доброй ссоры. А потом худой мир имеет свойство перерастать в добрый. С Эльдаром Халиловичем это произо-

шло быстро... Я смотрю, тебе не нравится то, что я говорю...

– Лучше бы ты набил ему морду! – пренебрежительно фыркнула Алена.

– Жаль, что ты так ничего и не поняла.

– Жаль, что ты не можешь постоять за себя. И за всех нас!

Папа досадливо поджал губы. Алена чувствовала свою вину перед ним, но все равно продолжала считать его слабаком.

Глава 3

Мурат вел машину объездными дорогами, на шоссе выходили в случае крайней необходимости. Но именно на проселке им и попались менты. Корейская деревня позади, казачья станица впереди, машин на дороге вообще нет. Откуда здесь взяться патрульно-постовой службе? Но нет, стоят, палочкой машут. Лучше бы перед девками это делали...

– Козлы! – процедил сквозь зубы Гоша.

И, набросив на лицо благодушную улыбочку, вышел из машины вслед за Муратом.

– В чем проблемы, господа служивые? – бравурно спросил он, давая понять, что состоит на короткой ноге с высоким милицейским начальством.

Но глянул на него только один мент. Он стоял с автоматом наперевес позади своего напарника, которого сейчас интересовал исключительно водитель. Автоматчик взял Гошу на прицел. От неприятного холодка, пробежавшего по спине, зачесалась левая лопатка.

– Документы!

Пожав плечами, Мурат протянул менту техпаспорт и права.

– Слышь, братишка, а ты вообще кто будешь? – с наигранным возмущением сощурил глаза Гоша. – Ты кто такой, чтобы документы требовать? Ты же ППС, а не ДПС...

– Мы тоже право имеем...

– А где это записано?

– Гражданин, не мешайте, сядьте в машину!

– Да вы не обращайтесь на него внимания, – махнув на Гошу рукой, весело сказал Мурат. – Он в Чечне служил, контузия у него...

– Все в Чечне служили... Почему права на одно имя, а техпаспорт на другое... Гончаров. Фамилия знакомая, – нехорошо задумался мент.

Видимо, эта фамилия проходила по милицейской ориентировке. Впрочем, Гоша и без того уже понял, что добром эта история не закончится.

– Да в России Гончаровых как негров в Африке...

– Возможно, возможно...

Гоше не понравилось, с каким подозрением мент смотрит на него... Он же тоже по ориентировке проходил...

– Слышь, братишка, может, мы вам денег дадим? – искалочно спросил Мурат.

– В натуре, браток! – подал голос Гоша.

Денег у него было не очень много, и раскидываться ими не хотелось. Но он бы заплатил, если бы это помогло ему выпутаться из каверзной ситуации. Да беда в том, что поздно было откупаться. Деньги менты возьмут, но сообщат своим, что видели беглых. И тогда такой шухер поднимется...

Гоша сунул руку во внутренний карман куртки с таким видом, будто собирался достать оттуда деньги. Но рука легла

на рукоять «ТТ».

– Стоять! Не двигаться!

Автоматчик оказался умней, чем думал о нем Гоша. Он раскусил его замысел и приготовился стрелять.

– Эй, ты чего?

– Руки подняли! Ты и ты!.. Раз!..

Гоше ничего не оставалось, как засвидетельствовать чистоту своих рук и намерений. Но на счет «два» из машины вдруг вывалился Витек. И заорал как недорезанный псих. Он шел на ментов с безумным выражением глаз и широко разинутым ртом. Оружия у него не было, поэтому автоматчик растерялся, не зная, может он стрелять или нет. А когда он все же решил, что может, Гоша уже держал его на прицеле своего пистолета. Выстрелили они почти одновременно, он – в мента, а тот в Витька. Первая пуля из «ТТ» ударила в бронежилет, вторая сделала дырку во лбу.

Пока второй мент хватался за кобуру, свой пистолет успел вытащить и Мурат. Но Гоша его опередил. Он выстрелил в грудь, а Мурат добил мента контрольным в голову. И сразу вдруг стало тихо. Слышно было только, как подвывает Витек, баюкая подраненную руку, но даже это не нарушало установившегося мертвецкого покоя... Где-то рядом ходила Смерть с Косой, складывая в свою черную торбу души новопреставленных. Но Гошу это мало волновало. Его больше беспокоили возможные свидетели. Такой путь от Хабаровска проделать – и засветиться на конечной стадии. Но не было

никого вокруг. А трупы говорить не умеют...

– Уходим.

Прежде чем сесть в машину, он обыскал ментов, забрал у них деньги, оружие и даже документы – так, на всякий случай.

Раненую руку Витька он осмотрел уже в машине. Не сказать, что царапина, но и страшного ничего нет – пуля прошла навывлет, кость не задета.

– До расстрела заживет, – гоготнул он, перевязав рану. – Ты чего на ментов бросался?

– Так это, отвлекающий маневр! – расплылся в улыбке Витек.

– Сам догадался или муха какая укусила?... Самому стрелять надо было.

– Да я бы не попал. Это ты спец, а я так...

– Ничего, научишься. В Китае без этого никак.

– А что в Китае? – напрягся Витек.

– Китайские триады. Мафия такая. Там все круто. Поймают тебя китайцы и всю задницу в китайский флаг раскрасят, он у них красный, ля, со звездами...

– А в Корее что?

– Там собак жрут. Если ты сука, то хана тебе, сожрут и не поморщатся.

– Я не сука.

– Тогда жить будешь.

– Может, лучше в Корею рванем?

– Да по барабану! Куда Кирпич ответит, туда и пойдём... Немного уже осталось...

Гоша боялся не застать своего кореша на месте. Но ещё страшней было нарваться на ментов. С Кирпичом он мотал свой первый срок, корешился с ним конкретно. Если менты раскусили его замысел, то могут выйти на Кирпича, устроить в доме засаду...

– Совсем немного, – кивнул Мурат. – Километров двадцать, не больше. Через час на месте будем...

Гоша глянул на часы – половина второго пополудни.

– Проедешь немного, и тормози, – сказал он. – До темноты спрячемся. А ночью пойдём... Не надо днем. Ночью лучше...

Приморье, последние майские дни. Пока солнце, было тепло, а вечером по темноте задул холодный ветер. Широта в этих краях крымская, а долгота колымская. Не все так просто, хотя, уж конечно, лучше, чем на самой Колыме.

Гоша уже однажды гостил у Кирпича. Прогнал через него две партии китайских «стволов». Хотел уйти к нему, когда спалили его на этом деле, но тогда он не смог убежать от ментов, повязали его, закрыли... А сейчас должно повезти, все складывается в его пользу. И все равно нужно держать уши на макухе.

Кирпич жил в небольшом предгорном поселке. Обычная изба с руинами вместо бани, друзья-наркоманы. Зарабатывал он тем, что водил китайцев через границу, – надо же

было чем-то зарабатывать на дозу... Гоша и сам был бы не прочь взорвать косяк или даже ширнуться. Поэтому так вдохновляла его мысль о встрече с Кирпичом. Но к дому он подходил со всей осторожностью. Пистолет наготове – от ментов и от поселковых собак. Но все было спокойно. В паре с Муратом Гоша беспрепятственно подобрался к дому.

Им не нужно было стучать в ворота – за отсутствием таковых. Вернее, ворота были, но только наполовину. Одна створка лежала на земле.

– Может, менты вынесли? – вслух подумал Гоша.

Осмотревшись, Мурат несогласно покачал головой:

– Да нет, здесь везде разруха...

Трухлявый забор клонился к земле, а в некоторых местах и вовсе лежал пластом. Двор запущенный, дом покосившийся. Свет в окнах не горел. Тишину нарушал только лай соседских собак.

– Ну и урод здесь живет, – сказал Мурат.

– Урод, – немного подумав, согласился Гоша.

Ему было стыдно не за лагерного кента, а за себя. Трудно или даже невозможно было поверить, что хозяин этого убогого жилища способен на что-то большее, чем колоться и жрать сивуху. Успокаивало то, что менты, глянув на эту серость, не станут воспринимать Кирпича всерьез. И можно не сомневаться – засады в доме нет. Как не было и замка в дверях. Заходи, кто хочет, бери, что есть... А не было ничего в доме, только темная пустота и захламленный пол в гор-

нице, за которым стояла железная кровать с голой железной сеткой.

– Да твой Кирпич по ходу здесь и не живет, – насмешливо сказал Мурат.

Гоша заметил, что его рука шарит по стене в поисках выключателя. А не стоило бы зажигать свет.

– Не надо!

Но было уже поздно. Выключатель все-таки щелкнул. А света как не было, так и нет.

– Или лампочка перегорела, или электричество отключили.

Мурат попробовал зажечь свет в другой комнате, тот же результат.

– И самого Кирпича здесь нет – или на киче, или в морге...

– Запросто, – кивнул Гоша.

– Что делать будем?

– Ждать.

– Так нет же его.

– А вдруг появится.

Кирпича они ждали до самого утра, но он так и не появился. Уходить собрались в предрассветных сумерках. Но только вышли за ворота, как услышали шум подъезжающей машины. Это был милицейский «уазик». Пришлось спрятаться за кустом дикорастущей смородины.

Машина остановилась, открылись дверцы, послышался незнакомый мужской голос:

– Смотри, Анатолий, телефон у тебя есть, как только появятся, сразу звони.

– Позвоню... – отозвался вышедший из машины Кирпич.

– Смотри, они с оружием...

– А это вы с ними разбирайтесь. Мое дело позвонить...

– И смотри, не вздумай сбежать, мы за тобой следим...

– Если коноплю не срубите, не сбегу.

– Если все нормально будет, не срубим.

Сгорбившись, Кирпич побрел к своему дому, а менты уехали. Никто не собирался за ним следить. Какая-то конопля привязывала Кирпича к дому покрепче всякой веревки.

Дождавшись, когда Кирпич ляжет спать, Гоша зашел в дом.

– Кирпич, братан, здорово! – изобразил он радость.

– Лысый, в натуре! – наигранно возликовал бывший дружок. – Сколько лет, сколько зим!..

– Не ждал?

– Ты бы позвонил, предупредил!

– У тебя телефон есть?

– Ну да, мобильник! – гордо возвестил Кирпич.

Он заметно сдал за несколько лет. Даже в темноте было видно, как он постарел, осунулся.

– Еще не пропил? – ухмыльнулся Гоша. – Или боишься, что менты за казенный мобильник спросят?

– Какие менты? – напрягся Кирпич.

– Ну, какие, красноперые, понятное дело. Или ты еще и

на китайских ментов работаешь, а?

– Чот я тебя не понимаю, брат.

– Какой же я тебе брат? Твои братья в ментовке работают... Ну, чего стоишь? Бери телефон, иди ментам звонить. Стук-стук-стук, Лысый приехал, можно вязать...

В дом зашел Мурат:

– А у него в натуре весь огород коноплей засеян.

– Что ж ты, урод, другана своего за дурь продал! – хищно сверкнул взглядом Гоша.

– Братан, ты не так понял, – засуетился Кирпич. – Я не собирался тебя сдавать. Это чтобы они меня отпустили... Я сейчас выплусь и за кордон пойду... Ты же со мной, да?

– Откуда ты знаешь, что мне за кордон нужно? Менты напели?

– Да нет... То есть они говорили...

– Что говорили?

– Ну, что ты дел в Хабаровске натворил. Ко мне приехали, сутки в кондее продержали...

– А может, в петушатнике, а? Может, ты петухом стал?... Чмо ты позорное, Кирпич. Мой тебе совет, сам – застрелись!

– Не из чего ему стреляться, – небрежно усмехнулся Мурат. – Все пропилил, тварь... Пусть лучше вешается...

– И то дело, – кивнул Гоша.

Пока он давил на Кирпича взглядом, Мурат тихонечко зашел к нему со спины и ударил кулаком в шею. Петлю свили из обычной веревки; вешали предателя без мыла, насухую...

– Пусть повисит, подумает над своим поведением, – глумливо осклабился Мурат.

– Его душа уже, наверное, в Китае, – хмыкнул Гоша.

– А может, уже в Индии... Или в Египте...

– Почему в Египте?

– Потому что козел там – священное животное.

– Тогда в Египте. А нам в Китай надо. Или в Корею...

Спешить пока не будем. На дне бы пару-тройку деньков отлежаться...

– Где такое дно взять?

– Что-нибудь придумаем...

Весь день Гоша провел в поисках какого-нибудь тихого местечка на берегу тихоокеанского залива. Живописные места, морской воздух, впереди, возможно, жаркое лето. Искал, но так ничего и не нашел, пока случай не привел его в мотель на скалистом морском берегу. Бревенчатые домики, кафе с большой верандой. Они остановились там только для того, чтобы перекусить, но, пока накрывался стол, Гоша подошел к администратору гостиницы.

– Привет, красивая, – с несвойственной ему любезностью улыбнулся он, разглядывая привлекательную женщину в брючном костюме.

Не молодая уже, далеко за тридцать. Но выглядит чертовски соблазнительно. Ухоженный вид, искушающий запах дорогого парфюма и зрелой женщины. Худенькая, стройная, и грудь еще, похоже, такая же стойкая, как два оловянных сол-

датыка...

– Здравствуйте! – приветливо улыбнулась женщина.

Если ее и смутило фривольное к ней обращение, то виду она не подала.

– Как бы у вас номерок снять?

– Вам какой, четырех-, двух – или одноместный?

– Трое нас.

– Тогда четырехместный. Тысяча рублей в сутки...

– А ничего, что я паспорт дома забыл?

– Ну что ж, бывает.

– Можно без паспорта?

– Да, конечно...

– А номер посмотреть?...

Номер занимал половину самого дальнего от дороги дома. За окнами – бесконечная океанская гладь, накрытая со стороны горизонта тяжелой грозовой тучей. Комната квадратов тридцать, четыре койки, шифоньер, телевизор, ковер на полу. Стены обшиты вагонкой – запах свежего дерева. Даже санузел здесь был и душевая кабинка. И хозяевам, похоже, наплевать, кто у них гостит. А еще за дом можно будет поставить машину, чтобы ее не было видно со стороны шоссе. Можно подогнать прямо к окну, которое в случае чего могло послужить запасным выходом... К тому же Гоша очень устал, ему нужно было хорошенько отдохнуть. Ну и то, что прислуживать ему будет хорошенькая администраторша, тоже много значило. В таком возрасте женщины бросаются на

мужчин, как кошки на корень валерьяны...

Он вернулся к стойке с сияющим лицом. Чтобы не вызывать подозрений своим видом, нужно было прятать свою уголовную сущность. Они с друзьями обычные туристы из Владивостока, им нравится путешествовать, любоваться красотами природы и все такое...

– Хороший номер. Мы, пожалуй, возьмем на пару суток...

– Будем очень рады видеть вас у себя в гостях, – улыбнулась женщина.

– Насколько рады? – Ухарски подмигнув ей, Гоша взял ее за руку, чтобы поднести к ней губы для галантного поцелуя.

– В пределах этикета, – мягким тоном сказала она и жестким движением высвободила руку.

– Извините, если обидел.

– Ничего.

– Просто вы такая красивая.

– Я знаю. Муж мне каждый день об этом говорит.

– И кто у вас муж?

– Хозяин этой гостиницы. И волшебник по совместительству.

– И он превратит меня в крысу? – блеснул своими культурными познаниями Гоша.

Это было несложно. В СИЗО и в лагере он смотрел телевизор и, конечно же, видел фильм «Обыкновенное чудо».

– Совершенно верно. – Амнистирующей улыбкой она дала понять, что легкое недоразумение исчерпано.

– Ну, тогда я буду послушным мальчиком.

– Я вам верю.

Гоша заплатил за два дня. Вернулся на веранду кафе. Стол уже накрыт, на его половине дымится в тарелке борщ. Потемнело небо, поднялся холодный ветер, холодно на террасе, но не хотелось ему суетиться, переезжать в закрытый зал.

– Холодает, – пожившись, сказал Витек.

– Ничего, сейчас согреешься. Похаваем, а потом в номер, водки возьмем, расслабимся чуток...

– Какой номер?

– А нас на постой взяли. Без всяких ксив. Два дня отдыхать будем...

– Ты гений, в натуре, – обрадовался Мурат. – Глаза уже слипаются, ехать не могу...

– Только это, короче, без всяких залупонов, ясно? Тетка здесь ничего, нормальная, но если рога бросать будем, может и в милицию звякнуть...

– Ну, тетку и приручить можно, – похабно осклабился Мурат.

– Даже не думай.

– Чего?

– Муж у нее волшебник, гы. В крысу тебя превратит...

– Ты это серьезно? – озадаченно протянул Витек.

– Ну да, это ж его гостиница. И водку мы у него покупать будем. Ты, Витек, сейчас нажрешься и снова в крысу превратишься...

– Это я могу, не вопрос.

– Тут главное – не переборщить. А то как бы самого мужика не превратить.

– В кого?

– В жмура!

– Может быть, потом, когда уезжать будем. А сейчас отдыхать. И чтобы без приключений, ля...

Отобедав, Гоша купил четыре бутылки водки, сыра-колбасы на закуску и вместе со своими дружками закрылся в номере. Казалось, что двух литров им хватит на один зуб, но уже после второй бутылки его потащило в сон. Чтобы хоть как-то взбодриться, он попытался запугать себя грозовой стихией, буйствующей за окном, но бесполезно. Он уже засыпал, когда Мурат протянул ему папиросу с травкой:

– Взорвемся?

– Откуда гаш?

– Да какой гаш? Так, листья...

– У Кирпича план взял?

– Ну да, в огороде...

– А что, цвет был?

– Да нет, рано еще... Но попробовать можно.

– Давай.

Как и предполагал Гоша, косяк оказался слабым. Сплошной лист, к тому же непросушенный.

– Дерьмо! – скривился он.

– Не знаю, мне по кайфу, – качнул головой Мурат. – А

тебе как, Витек?

– Пока не цепляет, а там посмотрим...

– Ну и смотрите. Чтоб ни одного листочка не осталось.

– Почему?

– Потому...

В голове теплилась смутная догадка, что из-за травки, которую Мурат взял с собой, менты смогли бы пришить им убийство Кирпича. Сверили бы его коноплю с той, которая росла на огороде, и привязали бы их к трупу... Но говорить об этом не хотелось. Во-первых, не поймут. А во-вторых, сил уже нет шевелить языком. Будь что будет. Спать, спать...

Глава 4

Папа стоял на балконе и с высоты своего начальственного положения осматривал территорию мотеля. Алена стояла рядом с ним, взяв под руку. Он хоть и трус, но с ним спокойней. Мама рядом нет, она укладывает спать Лешку и Катюшку. Им уже давно пора уже в кровать, но из-за сильной грозы они долго не могли успокоиться... Но молнии уже отсверкали, ливень отшумел. Правда, тучи еще не разошлись. Поздно уже, небо без звезд, такое темное, что жуть берет. Во дворе горели фонари, но Алене почему-то казалось, что вот-вот с неба на них рухнет страшная туча-дракон и проглотит электрический свет вместе с лампами. И это было бы страшной корнейчуковского крокодила, проглотившего солнце...

Мама тихонько подошла к папе, грудью мягко прижалась к его спине, обняв руками за плечи.

– Как обстановка?

– Пока ничего...

Рабочая неделя в самом разгаре, туристов в кемпинге нет, за исключением пожилой пары из Владивостока и трех парней, непонятно откуда взявшихся. Старики уже давно спят, а в окнах дома, где разместились молодежь, до сих пор горит свет. Криков нет, буйных песен не слышать, но телевизор включен на всю громкость, крутится какая-то музыкальная программа. Но, главное, не наблюдается разгульно-пьяных

шатаний по территории.

– Нормально все будет, не беспокойся, – сказала мама. – Я бы не назвала этих ребят приличными, но и страшного в них ничего нет. Обычные уличные парни.

– Обычные скитальцы больших дорог, – вставила Алена.

– Обычные парни, обычные скитальцы на обычном дорогом джипе.

– Ты что, их боишься? – спросила она.

– Алена! – упрекнула ее мама.

– Ну а чего он!

– Не он, а папа!

– Ты еще будешь мне морали читать...

– Алена, иди спать!

– Ага, щас!

– Успокойся, – не глядя на нее, внешне спокойно сказал папа.

И девочку проняло. Рот сам по себе закрылся на замок.

– Не нравятся мне эти ребята, – продолжал папа. – Надо было паспорта у них спросить...

– А если нет у них паспортов? У тебя что, две тысячи лишние? – спросила мама.

– Нет, но так нельзя. Вдруг они преступники? Ты же знаешь, у нас пограничный район, рядом сразу две границы. А ты так неосторожна...

– Мы же стараемся не требовать паспорта... И постояльцы какие были. Помнишь, китайцы неделю пьянствовали.

– И селедку жарили, – добавила Алена. – Брр!..

– Пьянствовали, но не буйствовали...

– И эти не буйствуют. Пьют себе спокойно в номере.

– Пока спокойно... Они четыре бутылки водки взяли.

– Так сколько времени прошло. Если за добавкой не бегут, значит, в порядке все... А помнишь, как моряк из Находки с топором за женой бегал! Вот это буйство так буйство.

– Но он за своей женой бегал... И сам успокоился...

– Ты ж его не успокоил, вот сам он и успокоился! – встала свои «пять копеек» Алена.

– Дочь, иди спать! – жестко потребовала мама.

– Не хочу.

– Алена, я сказала, спать!

Мама так посмотрела на нее, что Алена не посмела возразить. Все-таки она у нее сильная женщина. В отличие от отца...

Алена уже засыпала, когда в окно вдруг постучали. Сначала она думала, что это капли дождя просыпались на стекло. Но стук усилился, и пришлось встать с постели.

Она глянула в окно и увидела чье-то растянутое в безумной улыбке лицо. Это был один из трех парней, из-за которых нервничал отец. Здоровенный увалень в куцей кожаной куртке. Он мог бы внушать страх своим видом, но Алена не видела в нем угрозы. Он казался ей забавным и просто смешным. К тому же внутри ее зрел протест против отца. Он боялся этих парней, а она будет им только рада.

Парень стоял на отмостке фундамента, двумя руками взявшись за подоконник. Он тянулся к Алене и смотрел на нее, тупо улыбаясь. Глаза глупые-преглупые. Нажрался он, что ли, или обкурился... Она не должна была открывать окно, но сделала это.

– Хай! – стараясь казаться крутой и выдавшей вида де-вушкой, поприветствовала его Алена.

– Гы-гы! – нелепо засмеялся парень.

Даже если он псих, его можно было не бояться. Он стоял на цыпочках и держался за подоконник. При всем желании он не смог бы ухватить ее руками. Да и она знает, что делать, если он вдруг попытается залезть к ней в комнату. В тхеквондо в основном бьют ногами, но есть очень эффективные удары руками.

– Как тебя зовут?

– Гы-гы... Ви-и...

– Вий? – засмеялась Алена.

Определенно потешный парень, думала она.

– Не-е... Ви-и-та-а... – промычал он.

– Виталий?

– Не-е... Ви-и-то-о...

– Виток?

– А-а! – дурковато закивал он.

– Кличка такая?

Он отрицательно мотнул головой, продолжая улыбаться, как последний идиот.

– Имя?

– Ага-а...

– Ты заика?

– Не-е!..

– Обдолбился?

– А-а, да-а...

– Трава?

– А-ага!..

– А от меня что надо?

Виток отцепился от подоконника, встал на полные ступни. Озадаченно почесал затылок и неопределенно пожал плечами. Он и сам не знал, что ему нужно от Алены.

– Ты дурак? – с издевкой в голосе посмотрела на него девочка.

Он удивленно посмотрел на нее. И отчаянно мотнул головой.

– Не дурак я. Витек я, – неожиданно внятно произнес он.

– А друзья твои где? – с чувством вины за свою несдержанность спросила она.

– Спят.

– Устали?

– Ага.

– А тебе не спится?

– Нет.

– Травы много выкурил?

– Очень. Гоша сказал, много надо.

– Хорошая трава?

– Хрень... А что, хочешь?

– Ну, не-ет!

– А давай!

Алена была уверена в том, что находится в полной безопасности. Но Витек неожиданно разрушил ее иллюзии. Или выкуренная трава подействовала на него как сильный допинг, или он по природе своей был таким проворным; так или иначе, он вдруг резко выпрыгнул вверх. Оттолкнувшись ногой от верхнего среза фундаментной ленты, он обхватил Алену двумя руками. Она и опомниться не успела, как оказалась вместе с ним на земле. А к тому моменту, когда ее запоздалый крик готов был вырваться из груди, Витек уже сжимал рукой ее рот.

Он был здоровый и сильный, как Кинг-Конг. И к своему номеру понес ее с необычной легкостью, как будто она была не человеком, а соломенным чучелом. И нес он ее умно: вдоль забора, так, чтобы оставаться в тени и вне поля зрения возможных наблюдателей. Впрочем, бояться ему было некого. Отец давно уже ушел с балкона. Иначе бы он слышал, как Алена разговаривала со своим похитителем... А если вдруг он слышал или даже видел, что произошло с дочерью, то у него просто-напросто не хватит смелости вмешаться...

Витек нес ее к себе в номер, а она беспомощно барахталась в его медвежьих объятиях, задыхаясь от нехватки воздуха и ненависти к бездарному отцу. Хотя все же надеялась,

что ее хватаются и спасут.

В номере горел свет, на экране телевизора крутились видеоклипы, пахло тяжелым конопляным дымом. Стол на середине комнаты, початая бутылка водки, тарелки с жалкими остатками закуски. На одной кровати, спиной к двери, спал парень. Кожаная куртка лежала в ногах, свитер задран, из-за пояса торчала рукоять самого настоящего пистолета. Еще один парень восточной наружности сидел на диване, тупо глядя в потолок. Он даже не отреагировал на появление своего дружка и его жертвы.

Витек силой усадил Алену на диван. Его дружок продолжал витать в своих галлюцинациях и даже не глянул на нее.

– Сиди! – приказал он. – И молчи!

Но Алена молчать не собиралась. И, когда Витек убрал руку с ее рта, заорала во весь голос:

– Ты что делаешь?

Витек растерялся всего лишь на мгновение. Второго мгновения ему хватило, чтобы выдернуть из-за пояса свой пистолет. Он направил на нее ствол, и от дикого ужаса, охватившего девочку, крик застрял в ее горле.

– Я же сказал, молчи! – дыхнув на нее перегаром и табачно-конопляным зловонием, сказал он.

Алена надеялась, что ее крик не останется незамеченным. Если отец струсит и побоится самолично прийти к ней на помощь, он хотя бы сможет вызвать милицию.

Но ее крик смог потревожить только парня, сидевшего на

диване рядом с ней.

– О! Какая телка! – глянув на нее, на одной ноте протянул он. – Ты кто?

Мутный остановившийся взгляд, окаменевшее лицо. Наверняка чувства реальности для него сейчас не существовало.

Страх по-прежнему крепко держал Алену за горло. Но все же она смогла выдать из себя несколько слов:

– Твоя... Твои глюки...

– А-а, – с отрешенным видом кивнул он и закрыл глаза.

– Ты это, ты не бойся, Мурат нормальный пацан, он тебя не обидит. И я тебя не трону...

Витек спрятал пистолет, повернулся спиной к дивану, чтобы сесть рядом с Аленой. Но передумал и полез к себе в карман. Достал оттуда листья конопли, оторвал полоску от газеты. И при этом он преграждал ей путь к двери, которая ко всему прочему была закрыта на замок.

– Сейчас, косяк дернем...

– Я не буду, – мотнула она головой.

– Как это не будешь? – ошеломленно посмотрел на нее

Витек. – А зачем ты здесь?

– Не знаю.

– Ну тогда иди отсюда!

Ключ торчал в замочной скважине, и если Витек действительно отпускает ее, то дверь открыть не проблема. Алена поднялась с дивана, а он отошел в сторону, чтобы освободи-

дить дорогу. Он действительно выпускал ее на свободу.

Он схватил ее за руку, когда до спасения оставалось чуть-чуть. Дверь открыта, нужно было всего лишь переступить через порог. Алена зажмурилась от страха, когда его лапа сжала запястье. Ей показалось, что второй рукой он собирается выстрелить в нее из пистолета.

– Ты это, только никому не говори, ну, что была здесь, – виновато-просительным тоном сказал он. – Ну, что я тебя силой сюда... Ты классная девчонка, я думал, что ты наша...

– Я не ваша, – успокаиваясь, покачала головой Алена.

– Да я понимаю... Но это игра такая была, да... Ну я ж ничего тебе не сделал...

– Я бы тебя убила, если бы ты что-нибудь со мной сделал.

Алена вдруг вспомнила, что два года уже занимается тхеквондо у замечательного сэнсэя... Странно, что это не приходило ей в голову с тех пор, как Витек вытащил ее из комнаты.

– А говоришь, не наша! – тупо обрадовался парень. – Наша!.. Да я сам любого убью, кто тебя тронет... Хочешь, этого убью! – разошелся он. – Или этого!..

Он направил пистолет сначала на одного своего друга, затем на другого.

– Не надо! – мотнула она головой.

– Хочешь, сама!

– Не хочу...

– И не надо... Это правильные парни. А ты правильная

девчонка, да?

– Ну, наверное...

– Ты это, иди домой. А завтра приходи, ну, если захочешь...

– Не знаю.

– Только сейчас никому ничего, а то Гоша ругаться будет. Он знаешь какой крутой... Лучше тебе не знать... Ты это, иди. Тебя проводить?

– Нет, не надо.

Она вырвала руки из ослабшего захвата и стрелой понеслась к своему дому. Вокруг тишина, только слышно, как шумит море под скалами. Шторм там нешуточный... И в душе шторм. Но Алене уже не страшно. Ничего ведь не произошло. Ну, прикололся Витек немного. Он же ничего ей не сделал. Даже под юбку лезть не стал... А папа спит себе спокойно. Или вид делает, что спит... А ведь он знал, что произошло. Не мог не знать. Но ему все до лампочки. Лишь бы его не трогали, а что с дочерью сотворят, все равно...

В комнату к себе она залезла обратно через окно... Обидно было осознавать, что ты никому не нужна... Алена ворочалась в постели, думая, что не сможет заснуть. Но сон все же не заставил себя долго ждать.

Глава 5

Гошу разбудил Витек, его громкий грубый голос:

– Да какая девчонка! Глюки у тебя!

– Да какие глюки? Была девчонка! – наседали на него Мурат.

– Она же сама сказала, что у тебя глюки. И ты поверил!

– Ну да, говорила... А ты откуда знаешь, что говорила?

– Знаю?... – стушевался Витек. – Ну, значит, и у меня были глюки...

– Э-э, не, браток, так не бывает! – развеселился Мурат. – Можно одни трусы на двоих носить, а чтобы глюки – на двоих... Глюки у каждого свои... Давай у Лысого спросим, он скажет...

Гоша резко поднялся с кровати, о чем тут же пожалел. Встряска вызвала взрывную боль, он даже подумал, что сейчас голова разлетится на куски.

– Скажу, – пальцами сжав виски, сердито изрек он. – Сначала грохну вас обоих, глюки вы недоделанные. А потом скажу... Чего разорались, на!

– А жрать охота, того и разорались! – ничуть не испугавшись его гнева, отозвался Мурат. – Обед не было, ужин скоро, а ты, в натуре, все дрыхнешь!

– Не твое дело!

– Не мое, а жрать охота!

– Сейчас...

Гоша и сам был не прочь похлебать чего-нибудь горяченького. Но так не хотелось вставать на ноги.

– Что за глюки там у вас? – спросил он.

– Да не глюки, – мотнул головой Мурат. – Витек вчера девку в дом приволок...

– Витек, это правда?

– Да нет, ерунда, не было ничего...

– А я думал, у тебя ерунда такая, что все девки тащатся. А они, оказывается, на тебя не клюют. Не нравишься ты бабам, да? Чо, рылом не вышел?

– Почему не вышел? – огрызнулся Витек. – Была же баба вчера. Значит, вышел...

– Ну вот, а говорил, что не было! – встрепенулся Мурат. – Была же! Молоденькая такая!

– Где ты ее взял? На трассе снял? – заинтригованно спросил Гоша.

– Снял, – расплылся в улыбке Витек. – Только не с трассы, а с окна... Хозяйская дочь...

– Как это с окна?

– Ну, она мне окно открыла, а я ее хап и сюда! Как кошка мышку, гы-гы!..

– погоди, я не понял, ты чо, снасиловал девку?

– Зачем снасиловал? – обиженно надулся Витек. – Нет, просто притащил. Думал, она травки хочет. А она не захотела, я ее домой отправил...

– Ну, ты ваще, в натуре! – осерчал Гоша. – Как ты вообще у окна оказался?

– Не знаю... Не помню... Просыпаюсь, а мы с ней базарим...

– Где просыпаешься, у окна?

– Ну да.

– И в охапку?

– Ну.

– Баранов гну!.. Она ж папаше все рассказала. А тот в ментовку заявит... Ну ты баран!.. Жрать они хотят! Уходить надо!

– Да не надо, – мотнул головой Витек. – Я ей сказал, чтобы она ничего не говорила. Ну, чтобы не жаловалась... Говорил же...

– Я тоже тебе говорил, что ты правильный пацан. Так ты о том забудь, понял!.. Ну, чего расселись, ля, в машину, на!..

Гоша готов был порвать Витька на части за его идиотскую выходку. И порвал бы, если бы это могло спасти положение. А так только напрягаться... Он уверен был в том, что хозяин гостиницы уже заявил в милицию; возможно, в любое время появится группа захвата. Тогда придется стрелять или даже умирать...

А умирать Гоша не хотел. И в планах на ближайшее будущее у него кровью было выведено: «Выжить любой ценой». Выведено чужой кровью... И он дальше будет убивать, лишь бы жить на свободе...

Номер полагалось сдать администраторше, но Гошу совершенно не волновали гостиничные правила. Достаточно было собрать свои вещи и сесть в машину, чтобы ехать куда глаза глядят. Он бы уехал сразу, если бы Мурат не сказал, что нельзя отправляться в путь на голодный желудок, дескать, плохая примета. Да и есть, если честно, хотелось...

Они выехали за ворота гостиницы и остановились возле кафе со стороны шоссе. Съезжий пяточок у дороги был пуст, ни одной машины. Гоша предположил, что и в самом кафе никого нет, но не угадал. В закрытом зале он увидел людей, сидевших за одним столом. Вчерашняя администраторша, мужчина в темно-сером костюме при галстукке, юная милашка в синей жилетке на белую сорочку, паренек и девочка лет шести-семи. Шедший за спиной Витек запанибрата помахал милашке рукой. И Гоша все понял. Это не просто семейство, это хозяин гостиницы со своими домочадцами. И неудивительно, что они ужинают в собственном кафе. Не пропадать же продуктам из-за отсутствия посетителей.

Гоша пристально посмотрел на мужчину. Интеллигентный склад лица, открытый взгляд, бодрая улыбка на губах. Всем видом он как будто давал понять, что рад видеть гостя, но в глубине глаз можно было заметить настороженность. Внешность у Гоши подозрительная, отсюда и обеспокоенность. И не похоже, что папаша знает, чем занимали вчера ее дочь... А может, и не было ничего вчера. Может, правда Витек и Мурат поймали один глюк на две пустые головы...

– Вы уже уезжаете? – поднимаясь со своего места, спросила администраторша.

– Да нет, пока только поужинать зашли.

– А машину зачем взяли?

Она взглядом показала на стоявшую за окном машину.

– Да пешком отвыкли ходить, – нашелся Гоша.

А может, и не надо никуда уезжать, думал он, глядя на милашку. Девочка явно пытается казаться крутой и самостоятельной – как перед парнями, так и перед родителями. Возраст у нее такой, когда подростковый протест лезет из всех щелей. Может, она была у них вчера в гостях. Может, сегодня ночью она снова зайдет. Хорошо, если с мамочкой... Надо перекусить, выпить водки и хорошо подумать, прежде чем рвать когти. Деньги еще есть. На пару-тройку дней хватит. А потом можно будет и хозяйскую кошелек дернуть. Мужика с бабой в расход, деньги себе, и адыю... Денег у них должно быть не мало.

– Ну, присаживайтесь!.. Арина!

Администраторша крикнула официантку, а Гоша сел за ближайший стол. Хозяин гостиницы смотрел на него вежливо, но беспокойство в глазах нарастало.

– Что-то не так? – косо глянув на него, спросил Мурат.

– Да нет.

– А чего тогда напрягаешься?

– Папа просто хотел спросить: откуда у вас такая дорогая машина? – спросила милашка с ехидством и вызовом, обра-

ценным к отцу.

– А что, купить хочешь? – заинтересованно спросил Гоша. Неплохо было бы узнать, сколько у мужика денег.

– Да нет, – смущенно пожал плечами хозяин.

– Недорого отдам. За двадцать «зеленю».

– Ага, – кивнул Витек. – Такая сейчас семьдесят-восемьдесят стоит... Движок дизельный, хороший движок. Для джипа расход небольшой, отвечаю... Ты меня извини, брат, но твоя «Тойота» дерьмо... Покупай, в натуре...

– Я подумаю...

– Думай, думай. Как только надумаешь, так можешь взять. Двадцать штук плюс твоя «Тойота», – выставил окончательную цену Гоша.

– Номера у вас хабаровские, – сказал мужик. – В Хабаровск далеко ехать.

– Зачем ехать? Доверенность выпишем, все дела... Думай, думай...

– Думаю уже, думаю... Варвара, дети, ужин закончен.

Он поднялся из-за стола, увлекая за собой свое семейство. А ведь никто еще даже к чаю не притронулся. Рановато уходит, подумал Гоша. Видно, в падлу ему сидеть в одном зале с брутальными парнями... Или что-то задумал?

Само чутье заставило его глянуть в окно. Он увидел белую с синими полосами «десятку». Менты!.. И сразу все стало на свои места. Теперь Гоша точно знал, зачем мужик выводит из кафе свою семью.

– Стоять, падлы! – заорал он.

И, подскочив к администраторше, схватил ее за шею. Мужик рванулся было к нему, но приставленный к ее голове пистолет охладил его пыл. Да и его самого взяли на прицел – Мурат постарался.

– Дернешься – башку отстрелю!

Гоша с тревогой смотрел на милицейскую машину. А ведь знал же, что мужик наведет на него красноперых.

– Ментов зачем вызвали, суки? – заорал он, вжимая ствол пистолета женщине в щеку.

– Успокойся! Никто никого не вызывал! – на удивление хладнокровно сказал мужчина.

– А это кто? – показал он на «десятку».

– Милиция. Патрульно-постовая служба. На ужин приехали.

– На ужин! Тобой сейчас ужинать будут, козел!..

– Не знаю.

Из машины вышел молодой парень в милицейской форме. Безмятежное выражение лица, скучающий взгляд. С таким настроением на задержание не выезжают... Гоша понял, что зря вызвал переполох. Не надо было суетиться и обнажать пушки. Но что сделано, то сделано...

– Что делать? – спросил Мурат.

– Кончать.

– Всех?

– Сначала этого, – взглядом показал он на мента, уже ото-

шедшего от машины в сторону кафе. – И с ним который...

Гоша оттолкнул от себя женщину и взглядом показал на нее Витьку. Он тоже держал свой «ствол» на изготовку. Стрелял он плохо, но мирное население этого не знает. Пусть пугает доморощенных буржуев... Сам он собирался заняться ментами. Но те, как оказалось, не пожелали идти на убой. Тот, который сидел в «десятке», вышел и позвал еще не успевшего удалиться коллегу. Тот вернулся в машину, на этом его ужин и закончился.

– Ну, вот и все, а ты боялась, даже платье не помялось, – с облегчением хохотнул Гоша.

И с вожделием глянул на администраторшу.

– Это я про тебя, краля.

– А я и не боялась, – строго посмотрела на него женщина.

Удивительно, но в ее глазах не было страха. Беспokoйство наблюдалось, но переживала она не за себя, а за свою семью.

– Мама ничего не боится, понял! – с гонором заявила юная милашка.

– Понял?! – пораженный такой наглостью, возмутился Гоша. – Да нет, я не понял... Сейчас вы понимать будете!

Ему совсем необязательно было заботиться о своем имидже. Он уже показал свое истинное лицо и не собирался больше надевать маску.

– Деньги на бочку, живо!

– Сколько вам нужно? – стараясь сохранять самообладание, спросил хозяин гостиницы.

– Все!!!

– Хорошо, я отдам все. И вы сразу уедете.

– Бабло где?

– Я покажу!

Глядя на мужчину, Гоша понял, что он снимет с себя последнюю рубашку, лишь бы никто из его семьи не пострадал. Похвальное чувство... Поэтому за деньгами пошел сам. А Мурата на пару с Витьком оставил смотреть за женщинами и детьми.

* * *

Папа держался на удивление стойко: не заискивал, не унижался перед бандитами. Он ушел за деньгами, но Алена почему-то решила, что вернется он один. И чтобы спасти ее, маму, братика и сестричку. Он убьет ушедшего с ним отморозка, заберет у него пистолет и пристрелит его дружков...

– Витек, нельзя так много курить! – воодушевленная такой перспективой, сказала она, обращаясь к своему вчерашнему знакомому.

Знала бы она, у кого вчера побывала, обязательно бы папе сказала... Но ведь она знала! Видела же оружие... Дура она, ох и дура...

– А ты по мужикам меньше шляйся, сучка малолетняя! – осклабился бандит, которого Витек вчера называл Муратом. Восточной внешности парень – бровастый, с широким ли-

цом и приплюснутым носом.

Вчера он был инфантильным овощем. А сегодня на него страшно было смотреть, столько в нем было злобы и агрессивности.

Витек был крупней, чем он, и на лицо поуродливей. Добродушности в нем ноль целых, ноль десятых. Но Алена его боялась меньше. Тупой потому что как валенок. Хотя такие, как правило, наиболее опасны. Такие сначала делают, потом думают. Вчера он вовремя одумался. А что, если шиза найдет на него прямо сейчас? Что, если начнет стрелять?... Зря, ох и зря будит она в нем зверя.

– Я не шлялась. Он сам, – подавленно сказала она.

– Что сам? – прижимая к себе Лешку и Катюшку, возмущенно спросила мама.

– Он сам затащил меня к себе в номер, – показав на Витька, в смятении ответила Алена.

– Что ты с ней сделал, урод? – вознегодовала мама.

Такой Алена ее еще не видела.

– Ничего себе заявочки! – удивленно протянул Мурат. – Я тебе ща за урода мозги вышибу!

Он подошел к маме и приставил ей ко лбу пистолет. Алена зажмурилась от страха. Открыв глаза, она увидела, что мама совершенно спокойно смотрит на бандита, как будто ей совсем не страшно... Да, мама у нее сильная женщина. И отец будет сильным мужчиной... Если справится с бандитами...

* * *

– Давай, давай, все выгребай!

Мужчина покорно вынул из тайника в погребке несколько пачек вечнозеленых купюр.

– Здесь тридцать четыре тысячи долларов. Больше ничего нет.

– Я сказал – все!

– Больше ничего нет!

– А я вижу, что есть!

Хозяин гостиницы снова сунул руку в тайник, извлек оттуда небольшую брезентовую сумку с бумагами.

– Что это?

– Так, личное...

– Документы на дом?

– Вам они не нужны. Вам убираться отсюда надо, лучше всего за границу...

– Мне лучше знать, что нам нужно... Сумку сюда!

Деньги Гоша рассовал по карманам. Только одну пачку потоньше бросил в сумку – скажет братве, что это и весь навар.

– Пошел!

Мужчина покорно вышел из подвала. И даже с радостью. Он спешил присоединиться к своей семье. Похоже, у него и в мыслях не было оказать сопротивление. Типичный терпи-

ла...

* * *

Алена с недоумением смотрела на отца. Он должен был вернуться один, но с трофейным пистолетом в руке. Но папа шел под конвоем, как послушная овца. На него противно было смотреть.

– Все нормально, парни! – торжествующе сказал главарь, пренебрежительно толкнув отца в спину. – Восемь штук «зеленю» как с куста.

– Дергать отсюда надо! – нервно сказал Мурат.

– А ужин?

– Черт с ним!

– А девочки? – Главарь сально посмотрел на маму, лизнул масляным взглядом и Алену.

– Некогда.

– Да это пять минут...

Он подошел к маме, взял ее за руку, выдернул из угла на центр зала.

– С таким тухой живешь, – сказал он, глянув на папу. – И не знаешь, как это с крутым горячим парнем, а?

– И знать не хочу, – с вызовом ответила мама.

– Не хочешь – заставим... Пошли?

Он взглядом показал за барную стойку.

– Нет.

– Давай сделаем это по-быстрому. А то ведь с собой заберем. Покатаем, а потом похороним. А так и живой останешься, и память на всю жизнь...

– Оставь меня в покое.

– Ну не ломайся!

– Ты что, не слышал, тебе же сказали: оставь ее в покое, – наконец-то подал голос папа.

Алена посмотрела на него с большим сомнением, сквозь слезы. Отец ничем не мог помочь маме. Он действительно тюха...

– Ну, все, ты меня достал!

Главарь уже собирался стрелять в папу, когда за окнами вдруг остановился милицейский микроавтобус.

– Лысый, шухер! – заорал Мурат.

Из машины один за другим выскакивали спецназовцы в черной униформе и бронежилетах. Каски, автоматы, стремительные движения...

Главарь по кличке Лысый снова схватил маму за шею и со спины приставил к ее виску пистолет. Алену сгреб в охапку Мурат. Витек взял в оборот папу – вдавил ствол ему в затылок.

– У нас заложники! – закричал Лысый, когда в тамбуре послышался топот тяжелых ботинок.

– У них заложники! – эхом отозвался чей-то голос. И тут же последовал вопрос: – Что делать?

Ждать пришлось недолго. В дверях показался крепко сби-

тый мужчина.

– Лысов, не валяй дурака! – густым, с хрипотцой, голосом обратился он к главарю.

– Да пошел ты, мусор! – злобно прошипел тот.

– Лысов, у тебя нет выхода!

– Есть! Даю вам час времени, чтобы здесь был вертолет с полным баком. Через час я убью эту сучку! Потом возьмусь за ее детей! Каждый час по трупку! Время пошло! Ну, чего стоишь?

Милиционер не стал пытаться судьбу, исчез, оставив заложников наедине с бандитами.

Алена много раз видела в фильмах, как террористы берут заложников. И здесь как в кино – вертолет с полным баком, каждый час по трупку. Но если раньше она относилась к этим сценам скептически, то сейчас у нее сердце разрывалось от страха. Никак не думала она, что сама может оказаться заложницей.

– От окон отходим! – крикнул Лысый.

Мурат первый оттащил Алену в дальний угол зала, где поблизости не было окон. Там же оказались папа, мама. А вот Лешки и Катюшки нигде не было. И официантка Арина исчезла – наверняка вместе с ними. Видно, воспользовавшись суматохой, вывела их через коридор в сторону дома.

– А где мелкие выродки? – обнаружив пропажу, взревел Лысый.

– Эти есть, и ладно! – гоготнул над ухом Мурат.

И тут же Алена почувствовала, как его рука легла ей на грудь.

– Что ты делаешь, скот! – взвизгнула она.

Но ствол пистолета так больно вжался в висок, что челюстные мышцы судорожно сжались.

– А тыковки у нее ничего! – не унимался Мурат.

– Оставь девочку в покое! – рассерженно потребовал папа.

Он злился, но как был, так и оставался беспомощным тьюхой. Алена уже точно знала, что спасения от него не будет.

– Еще слово – и ты труп!

– Тебе же сказали: оставь девочку в покое! – И мама разозлилась не на шутку.

Но и ее никто не боялся.

– Мурат, братуха, она хочет, чтобы ты занялся ею! – глумливо хохотнул Лысый. – Займешься. Но после меня... Пойдем, пока есть время...

Он силой затащил маму в подсобку. Алена понимала зачем...

– А потом наша очередь! – шепнул ей на ухо Мурат.

Алена гневно посмотрела на отца. «Ну почему ты стоишь, почему бездействуешь?» – хотела спросить она.

Хотела, но опоздала.

Она даже не успела заметить, как это у него вышло. Витек стоял, одной рукой обхватив его за шею, второй вжимал пистолет в щеку. Но ситуация вдруг резко изменилась. Витек вдруг направил пистолет на Мурата и выстрелил ему в

голову.

Он стрелял почти в упор – Алена оглохла от грохота. И что-то жидкое и липкое забрызгало ей щеку. Но папа уже не обращал на нее внимания. Это он заставил Витька выстрелить в своего дружка. Он же выкрутил его руку за спину, согнув тело под прямым углом. С легкостью, как будто это была эстафетная палочка, забрал у него пистолет.

Алена думала, что папа ударит бандита, но он выстрелил в него. Казалось, он хотел попасть в голову, но в самый последний момент, когда палец уже выдавил слабинку на крючке, опустил руку и прострелил ногу.

А из подсобки уже выходил встревоженный Лысый. Он прикрывался мамой как щитом, была видна только его голова. Но папу это не смутило. Твердой рукой он навел пистолет на цель и выстрелил. Пуля попала бандиту точно в лоб. А ведь промахнись он чуть-чуть, и мамы не было бы в живых...

Но папа не промахнулся. И мама оттолкнула от себя мертвеющее тело.

– Прости, но у меня не было другого выхода...

Алену поразил извиняющийся тон, с которым он обратился к маме. Он совершил подвиг, но почему-то оправдывался перед ней.

– Ты поступил правильно, – сказала она. – Но что дальше?

– Не знаю...

А зал уже стремительно заполнялся спецназовцами. Стоящего Витька взяли под руки, выволокли на улицу.

– Кто стрелял? – взглядом скользнув по трупам, спросил мужчина с густым хриплым голосом.

– Я, – сказал папа. – Больше никому...

Алена смотрела на него большими от потрясения глазами. Оказывается, он вовсе не трус. Как ловко скрутил он Витька, а как точно стреляет...

– Отлично сработано, – одобряюще сказал мужчина.

– У меня не было выхода. Я защищал семью.

– Все правильно... Но вы убили двух человек.

– Разве ж это люди? – настороженно посмотрел на него отец.

– Нелюди. На их совести много трупов. В том числе четыре сотрудника милиции... Они бы и вас не пощадили.

– Вот видите.

– Вижу. Два трупа вижу... Боюсь, что вам придется проехать с нами.

– С вещами? – дрогнувшим голосом спросила мама.

– Ну зачем же. Чистая формальность... Поверьте, никто не собирается арестовывать вашего мужа. А вас мы вызовем завтра, надо будет дать свидетельские показания...

– Ничего не понимаю.

– Поверьте, само страшное для вас уже позади. А все остальное – не более чем формальность.

– Если вы хотите допросить моего мужа, то почему не сделать это здесь и сейчас?

– Вам нужно успокоиться. Я дам вам телефон бесплатного

психолога. Зовут ее Анжела Семеновна, очень хороший специалист по стрессовым ситуациям... Обещаю вам, что все будет в порядке... Вы бы увели девочку отсюда, это зрелище не для нее...

– Да, конечно.

Мама увела Алену в дом. Они вместе нашли Лешку и Катюшку, долго благодарили официантку Арину за находчивость. А потом Алена оказалась в своей комнате, под строгим запретом покидать ее. Мама принесла ей кипяченого молока:

– Пей и ложись спать.

Молоко она выпила, а заснуть не смогла.

Мама зашла в комнату поздно вечером: хотела убедиться, что Алена спит. Но девочка бодрствовала.

– Почему папы до сих пор нет?

– Задерживается.

– Его что, арестовали?

– Не имеют права.

– Конечно, не имеют. Он же защищал нас... Я думала, что наш папа трус.

– Ты заблуждалась.

Мама сидела на краешке кровати, нежно гладила дочку по голове. Голос ее слезно дрожал.

– Я знаю...

– Наш папа самый хороший.

– И самый лучший...

– Тебе надо спать.

– Не спится... Мне страшно... Вот когда папа вернется, тогда я ничего не буду бояться... И когда ты со мной, тоже не страшно... Ты не уходи, ладно?

– Не уйду.

Мама – сильная женщина. Алена сегодня в этом еще раз убедилась. С ней совсем не страшно... Она держала маму за руку, пока не заснула.

Глава 6

Алена проснулась среди ночи. Ей показалось, что кто-то постучал в окно. Что, если это Витек? Мамы рядом не было, и Алена в страхе бросилась к ней. Но в родительской спальне никого не было. Кровать не расправлена.

Алена обошла весь дом, но, кроме спящих брата и сестры, никого не нашла. Но в кафе горел свет, значит, мама там. И папа, наверное, с ней.

Мама действительно была в кафе, но одна, без папы. Сидела за столом с опущенной головой и удрученно о чем-то думала.

В зале беспорядок. Перевернутые, сдвинутые стулья. На полу, в тех местах, где лежали убитые, Алена увидела очерченные мелом силуэты. Кровь на стенах, на полу. Посреди зала ведро со шваброй, но, похоже, никто здесь не убирался.

Алена подошла к маме, тряхнула ее за плечо.

– А-а, это ты... – вяло отозвалась она, глянув на нее безжизненными глазами.

От нее сильно пахло коньяком. Но Алена ее не осуждала. У взрослых такая практика – спиртным снимать стресс. Да что там взрослые, были у них в школе ребята, которые с двенадцати лет пили в открытую пиво, хотя и непонятно, что этим они там снимали...

– Мама, пошли спать. Пошли, я тебя отведу. И чай с ли-

моном сделаю, как ты любишь.

– Да, сейчас...

– А папа не звонил?

– Нет... Но позвонит.

– Когда?

– Скоро.

– Завтра утром мы поедем к нему.

– Обязательно.

– Но ты не сможешь вести машину. Тебе нужно срочно ложиться спать. Тогда сможешь...

– Сообразительная ты моя... Сейчас, подожди немного... Сейчас, сейчас...

Она сложила голову на руки, закрыла глаза.

Алена решила, что мама заснула, попробовала ее сдвинуть с места.

– Я не сплю... Сейчас, подожди чуть-чуть...

В ожидании девочка села за соседний стол. Нога под лавкой зацепилась за что-то твердое. Алена наклонилась, подняла с полу брезентовую сумку... Сегодня она уже видела эту сумку. Ее нес на плече бандитский главарь Лысый. Она была при нем, и непонятно, как оказалась под лавкой. Да это и не важно как...

Во-первых, ей нужно было чем-нибудь себя занять. Во-вторых, было любопытно узнать, что лежит там, в сумке... Алена выложила на стол одну папку с бумагами. Документы на землю, строения, на свет, газ... Ничего интересного. Пач-

ка сто долларовых купюр. Это она вернет родителям... Еще одна папка с бумагами. Сшитые ксероксные листы с печатным текстом. «Нелегкое это дело – ковыряться в земле: разгребать кучу, разбивать комья...» Художественный текст.

Девочка намеревалась продолжить чтение, но мама вдруг подняла голову. Как будто почувствовала, что Алена сунула нос в какую-то тайну...

Мама снова опустила голову. Чуть выждав, Алена подошла к ней, тронула за плечо. Ответной реакции не последовало: мама крепко спала...

Скоро каникулы, подумала девочка. Но бессердечная Вероника Максимовна уже выдала целый перечень литературы, которую нужно будет прочесть за лето. А еще учительница говорила, что в принципе не важно, что читать, лишь бы ум не ленился. Так почему бы не начать с внеурочной литературы?... Алена снова открыла папку.

Глава 7

Нелегкое это дело – ковыряться в земле: разгребать кучу, разбивать комья, планировать граблями. Но как это ни странно, меня эта работа не угнетала. И вовсе не потому, что мне нравится каторжный физический труд; нет, как раз наоборот, я – человек интеллектуального склада ума. Играю на скрипке, увлекаюсь радиodelом, учусь на «отлично», и земляные работы – вовсе не моя стихия. Но как это ни странно...

Дело в том, что эта «странность» работала со мной в паре, бок о бок. Лиза Янкович, моя новая одноклассница. Или, вернее сказать, это я в ее жизни новый человек. Ну, не в ее личной жизни, а вообще... Одним словом, я во второй раз пошел в девятый класс... Нет, не получилось одним словом. Да и сказал не так. А то еще подумаете, что я второгодник. Нет, девятый класс для меня начался в одной школе, а заканчивается в другой.

Отца перевели в Москву из Ярославля осенью прошлого года, а весной этого он получил квартиру на всю нашу семью, и вот я здесь, в новой школе. Апрель месяц, завтра день рождения дедушки Ленина, а сегодня – коммунистический субботник в его честь. И пошли комсомольцы-добровольцы в принудительном порядке вскапывать школьные клумбы.

Погода на редкость хорошая – ясное небо, солнце, тепло.

Но сам я не очень хорош. Руки-ноги у меня слабые, поясница тонкая, к физическому труду не приучен – честное слово, дезертировал бы с трудового фронта, невзирая на угрозу педагогического трибунала. Но рядом со мной Лиза, она такая... слов нет, чтобы описать, какая она. Да и не нужны слова. Сейчас главное – дело, вот я и доказываю своим трудом, что ничем не хуже других. Ног под собой не чую, в поясницу как будто клин через живот загнали, намозоленные руки не держат лопату, а я тужусь – назло коварному империализму. Ведь если не благоустроить клумбу ко дню рождения великого Ленина, то у загнивающего капитализма может открыться второе дыхание. Как же тогда жить дальше?

Я понимаю, все мои муки – пустяк по сравнению с мировой революцией. Но сама эта революция – да простят меня в ЦК ВЛКСМ – ерунда, если сравнивать ее с Лизой.

Лиза – красавица: русая коса до пояса, глаза большие, ясные, точеный носик, сочные губки, фигурка – идеал с плюсовой погрешностью. Но это далеко не самое главное. Нежность, женственность, одухотворенность, грациозность... Я не знаю, что там еще, но мне хватило одного взгляда, чтобы влюбиться в нее без памяти, а потому забыть Иринку, мою школьную подружку из прошлой жизни. Только Лиза, только она, раз и навсегда... Если нам не суждено быть вместе, то я на всю жизнь останусь холостяком, потому что никого не смогу больше полюбить...

В раздумьях о вечности в ее фрагментарных частностях я

и не заметил, что остановился. И лопата моя стоит как вкопанная. То бишь она и есть вкопанная – в кучу земли, которая за час-два работы, казалось, ничуть не уменьшилась. И я стою, опершись на нее. Взгляд устремлен на Лизу. Она девушка хрупкая, с лопатой наперевес ее представить сложно. Ей больше нравится работать с граблями. Я землю по чуть-чуть бросаю, а она ее планирует не спеша. Мне тяжело, а ей не очень. У меня уже сил нет, а она все водит граблями по земле, как вилами по воде. Взгляд отрешенный, выражение лица безучастное. Видимо, думает о чем-то своем. До меня ей и дела нет. Я для нее – безымянный ковш полудохлой землеройной машины. И ей совершенно все равно, нравится она мне или нет.

Наконец до Лизы дошло, что конвейер остановился. Ей бы и самой немного передохнуть, но нет, она недовольно подняла на меня глаза.

– Ну что случилось, почему остановился? Устал, так и скажи.

Голос у нее завораживающе мелодичный; не шепелявый, нет, но шипящие и «жужжащие» звуки у нее не совсем обычные: смягченные, объемные, волнующе протяжные. Этаким легким, едва уловимым иностранным акцент... Заслушаться можно, как она говорит, даже сейчас, когда в ее словах звучат осуждающие нотки.

– Да нет, – мотнул я головой. – Не устал.

Стыдно было признаваться в том, что силы на исходе.

– Тогда в чем дело?

– Маленький перекур, – нашелся я.

– Разве ты куришь? – удивленно повела она бровью.

– А что здесь такого? – сконфуженно пробормотал я.

Курить я начал в пятом классе. Тогда же и закончил.

Узнав о моих экспериментах с табаком, отец провел свой – заставил меня выкурить полпачки «Примы». С тех пор только от одного вида сигареты меня начинало тошнить.

– Не знаю, – пренебрежительно усмехнулась она. – Говорят, ты на скрипке пиликаешь?

– Не пиликаю, а играю, – краснея, поправил я Лизу.

– Да все равно... Все хотела тебя спросить, почему ты очки не носишь?

– Зачем очки? У меня стопроцентное зрение.

Я смущался все больше и на Лизу не смотрел – вроде бы ничем перед ней не провинился, но муки совести клонили глаза к земле.

– В очках смешней было бы, – не унималась она. – Ты в этом костюме как цыпленок. Тощий, глаза и уши, как у Чебурашки... Чебурашка в очках, это было бы оригинально...

Я хотел бы провалиться сквозь землю, но мог только закопаться в неподъемную кучу – и от Лизы чтобы спрятаться, и от работы. Но я не стал этого делать. Бросил лопату и пошел от нее прочь, чтобы в тоске и одиночестве пережевывать и глотать обиду.

Нашла цыпленка... Ну да, масса тела у меня не боль-

шая: хорошо, если пятьдесят килограммов наберется. Да, лопухий... Но про костюм Лиза зря сказала. Он, может, и невзрачный, но качество заграничное, маде ин ГДР. Единственное, в чем сглупил, так это в том, что пришел на субботник в школьном костюме, в том время как все остальные в обычной одежде. Кто-то ветровкой фирменной щеголяет, кто-то штатовскими джинсами. Лиза тоже одета неплохо – во всяком случае, сама она именно так и считает. Но я-то вижу, что джинсы у нее индийского производства, а кроссовки – из «США» – «Советских Штатов Армении». У меня туфли скромно смотрятся, но это Австрия, без дураков...

Обида застилала глаза. Я шел, не разбирая дороги. Очнулся уже за пределами школы. Впереди новостройки под стрелами башенных кранов, справа – сквер, слева высотный дом с магазином на первом этаже. К магазину была пристроена пивная, возле которой толпились мужички характерной наружности. Я обратил внимание на двух типов с испытанными лицами – высокий толстяк с сизым носом и низкорослый худыш с рахитной головой. Один пересчитывал монеты на раскрытой ладони, другой смотрел на них жадными и тоскливыми от безнадёги глазами. Но, завидев меня, рахит вдруг заулыбался. Махнул рукой и, не дождавшись ответной реакции, направился ко мне.

– Друг, гривенника случайно не будет? – заискивающе спросил он.

– Где ты видел, чтобы деньги случайно были? – насмеш-

ливо спросил я.

В общении с Лизой я был скованным и даже робким. Терялся, мямлил, молча глотал обиды. А так я вовсе не трус и, если надо, за словом в карман не лезу.

– Ну, всего-то десять копеек, – жалобно протянул рахит.

– Трояк могу дать.

– Три рубля? Ого!

– Да не ого, а за работу... Дело одно есть...

Уже через десять минут рахит вместе с толстяком имели удовольствие лицезреть прекрасную Лизу и горку земли, на фоне которой она стояла – хорошо, если в ожидании блудного помощника, то есть меня. Хотел бы я, чтобы она ждала меня – не важно, что в качестве бесплатной рабочей силы.

– Не, здесь слишком много, – глянув на кучу, почесал затылок толстяк.

Лиза его совершенно не волновала, потому как ее дивная красота не ассоциировалась с бутылкой водки. То ли дело земляная груда...

– Трешки будет мало, – подтвердил рахит.

– Три рубля. И еще два – премия за срочность.

Я достал из кармана пятирублевую купюру, махнул ею перед глазами здоровяка с таким видом, будто это была волшебная палочка.

– Нормально!

Толстяк взялся за лопату, рахит чуть ли не силой вырвал у Лизы грабли. Работа закипела...

– И что это такое? – в недоумении глядя на меня, спросила она.

– Не что, а кто... Обездоленные люди, как видишь. Без роду и племени, нигде не учатся и не работают. Но сознательные. Хотят поработать на субботнике, а никто их не приглашает. Бедные. Мне так стало их жаль, что пришлось уступить свое место. И твое, извини, тоже... Но если ты настаиваешь, мне придется забрать у них твои грабли...

– Да ладно, пусть работают, – пожала плечами Лиза.

Похоже, мое красноречие не произвело на нее особого впечатления. Пожав плечами, она отошла в сторонку – видимо, для того, чтобы ее не видели в одной со мной компании. Как это ни обидно было осознавать, но в своем новом классе я был чужим человеком. Ребята меня игнорировали, девчонки посмеивались над моими ушами...

В одиночестве Лиза находилась недолго. Сначала к ней подошла одна ее подруга, затем вторая, третья... Девчонки сначала молча наблюдали за алкашками, которые к тому времени немного сбавили темп. Затем стали подшучивать над ними меж собой, а потом их остроумие перекинулось и на меня.

– Трохин, это твои братья, да? – спросила курносая пигалица; кажется, ее звали Люба.

– Если да, то вы очень похожи... – куражилась брюнетка – симпатичная, но с крупными, выпирающими вперед зубами. Эту я знал и по имени, и по фамилии. Катя Миронова.

Она сидела передо мной за вторым столом первого от окна ряда. Вчера эта нахалка во всеуслышание заявила, что контрольную по математике я скатал у нее. Правда, она почему-то получила тройку, а я пятерку...

– А если нет? – грустно спросил я.

– Все равно похожи, – хихикнула Катя.

– Тебе телефон дать? – не выдержал я.

– Чей? Их?... У вас что, в джунглях телефоны есть?

Мертворожденная острота, но тем не менее девчонки засмеялись. Меня это еще больше сконфузило, но язык уже жил своей жизнью.

– И стоматологи тоже. Есть у меня один знакомый, он зубы выравнивает, я тебе номер его телефона дам, хорошо?

– Сам к нему сходи, – стусевавшись, буркнула Миронова.

Словом, она меня больше не донимала. Но нанесла удар делом. Привела к нам классного руководителя, Марию Степановну, дородную женщину лет сорока. Важная и грозная, она долго смотрела на трудо-алкоголиков, как будто ждала, когда они закончат работу. А они уже как раз разравнивали место, где совсем недавно лежала куча. Поджав губы, Мария Степановна перевела взгляд на меня.

– И что это все значит, Трохин? – Голос у нее грудной, зычный, звучит, как охотничий горн, извещающий о появлении зверя.

– Он их за деньги нанял, – подбоченившись, вякнула Катя.

– Та-ак! – сложив руки на пышной груди, протянула

классная.

А тут еще сизоносый толстяк подошел ко мне с протянутой рукой. Дело сделано, плати по счету. И плевать ему на мою учительницу со всеми ее идейными принципами... Я встал так, чтобы он своим грузным телом закрыл меня от надутой Марии Степановны, быстренько достал из кармана пять рублей, сунул их ему в руку, так, чтобы она не видела. Но толстяк как будто нарочно растянул купюру пальцами, выставил на солнце, чтобы рассмотреть водяные знаки. Как будто мы в школе на уроках труда только тем и занимались, что печатали фальшивые пятирублевки.

– Да, Трохин! – голосом Великого инквизитора произнесла Мария Степановна и глянула на меня так, как будто я был воплощением всех бесовских сил земли.

Взгляд у нее такой же жгучий, как огонь «очищающего» костра.

– Не ожидала я от тебя!

– А чего вы от меня ожидали? – угнетенно вздохнул я.

– Я смотрю, ты ничего не боишься, Трохин, – продолжала наседать на меня классная.

– Боюсь, – тем же тоном сказал я.

При всей своей грозности Мария Степановна была для меня сейчас досадным недоразумением, ну, может, чуть более того. Настоящую же катастрофу я видел в том, что Лиза стала свидетелем моего поражения, которое, кстати сказать, усугубил рахит. Не обращая внимания на учительницу, он

подскочил ко мне, обнял, крепко прижав к себе:

– Спасибо, братишка!

Вдобавок он хотел меня еще и расцеловать, но я смог увернуться и вообще вырваться из его похмельных объятий. Мария Степановна язвительно улыбалась, глядя на меня; девчонки обидно смеялись, в том числе и Лиза. Действительно, занимательная сценка – я и деградировавший алкаш; картина, достойная карандаша Кукрыниксов.

– Буду ставить вопрос на педсовете, – дождавшись, когда уберется за-бутылку-наемная рабсила, разгромным тоном сказала Мария Степановна.

– За что? – опустив глаза, убито спросил я.

– Не за что, а о чем! О недостойном поведении ученика девятого «Б» класса Трохина Михаила!

– А что я сделал?

– Он еще спрашивает!.. Для чего субботники существуют, Трохин?

– Чтобы работать бесплатно.

– Субботники существуют, чтобы мы, советские люди, в едином трудовом порыве приводили в порядок наши школы, улицы... А-а, что с тобой говорить! Какой отец, такой и сын! – как мне показалось, невпопад выпалила она.

– А какой у меня отец? – встал в позу я.

Отца она тронула зря. Отец у меня не простой человек, и если очень захочет, то завтра же Мария Степановна будет искать работу где-нибудь в другом месте.

Классная и сама поняла, что дала маху. Взгляд рассеялся, губы плотно сомкнулись. Она пыталась делать хорошую мину при плохой игре, но было видно, что угроза педсовета для меня уже утратила свою актуальность.

Из гордости она не стала забирать свои слова обратно и не просила, чтобы я ничего не говорил отцу о нанесенном ему оскорблении. Она просто молча ушла, отступила, как непобежденная русская армия с Бородинского поля. Девчонки хвостиком потянулись за ней. Подхалимки несчастные, подумал я, наблюдая за их походкой на полусогнутых. Осталась только Лиза. Она с интересом смотрела на меня. Заинтригованно спросила:

– А кто у тебя отец?

– Директор базы.

– Овощной? – с безобидной ехидцей в голосе хихикнула она.

– А если бы и овощной, что здесь такого?

Когда-то мой отец действительно заведовал овощной базой. Давно еще, лет десять назад. Уже тогда у нас дом был полная чаша... В Ярославле он стал директором промышленно-торговой базы – бытовая техника, хозтовары. За пять лет дом двухэтажный на берегу реки построил. А здесь, в Москве, его поставили заведовать крупнейшей в стране автобазой. Не в том смысле, что автотранспортное предприятие. Нет, он торговал автомобилями – «Волги», «Жигули», «Москвичи». Конечно же, большая часть товара уходила

ла очередникам, людям, которые годами ждали свой автомобиль. Но я так подозревал, что у отца была возможность сплавлять товар и налево, по большому благу... Короче говоря, по роду своей деятельности он был очень большим в Москве человеком. Мама кому-то рассказывала по телефону, что к нему на поклон ходят многие из сильных мира сего, вплоть до секретарей райкомов. Не знаю, насколько это правда, но почти уверен, что это близко к истине. Более того, у директора школы на днях появилась новая машина, «Лада» шестой модели. Боюсь, что без помощи отца не обошлось. Может, потому и взъелась на него Мария Степановна...

– Ничего, – в меркантильном каком-то раздумье пожала плечами Лиза. – Бананы, апельсины – это очень вкусно...

– Бананы и апельсины – это фрукты, а не овощи... Мой отец мандарины помогает доставать, – улыбнулся я.

– Почему только мандарины?

– Потому что апельсины в Грузии не растут. Можно еще за урюком куда-нибудь в Учкудук съездить. На своей машине. Но Грузия в принципе ближе...

– У меня нет своей машины.

– Мой отец может в этом помочь. Не тебе, так твоим родителям. «Ладу» без очереди взять или «Волгу»...

– Мы на «семерку» второй год стоим, – с гордостью сообщила Лиза. И, разжевав мой намек, озадаченно спросила: – То есть как это – без очереди?

– Мой отец легковыми автомобилями торгует. База есть

такая, где они стоят. Кто-то эти машины распределяет, а он их продает. Ну и сам тоже может блат организовать...

– Это интересно... Даже очень...

Лиза смотрела на меня если не восхищенно, то близко к тому.

– А мне твой отец не сможет помочь? Ну, то есть моим родителям. Деньги на машину есть, но пока очередь подойдет, я уже состарюсь... ну, как минимум школу закончу, если не институт...

– А в какой институт собираешься поступать? – пользуясь ее лояльностью, спросил я.

– Да это не важно... – отмахнулась она. – Ну, так что насчет машины?... Если ты, конечно, про своего отца не врешь...

– Я не умею врать, – с пафосом самодовольного болвана сказал я. Но, вовремя осознав собственную глупость, добавил: – То есть очень даже умею. Но тебе врать не могу.

– А что во мне такого особенного? – кокетливо улыбнулась Лиза, провоцируя меня на дифирамбы в свою честь.

Конечно же, она прекрасно знала, чего и сколько в ней особенного. Первая красавица в школе... Не знаю, скольким парням она разбила сердце, но я уж точно из числа этих несчастных...

– Ты... В тебе... Ты самая лучшая...

Я мог бы написать, какая она, – в стихах, в лирической прозе. Но мне нужно было время, чтобы сочинить этот гимн

в ее честь. А так, навскидку, да еще под прицелом ее парализующе красивых глаз...

– Да, ты самая лучшая, – повторил я, не в состоянии подобрать нужные слова.

– Мне нравится быть лучшей, – задорно улыбнулась она.

– Тем более что у тебя это получается, – сказал я.

И облегченно вздохнул, радуясь, что сумел польстить ей.

– У меня да. А у тебя?

– Думаю, что нет...

– Я тоже так думаю, что нет.

В ее словах не было осуждения и пренебрежения; всего лишь констатация печального для меня факта.

– Но ты не переживай. Не всем же быть лучшими... Это даже страшно, когда все вокруг – лучшие. Все, как под гребенку... Нет, так нельзя...

Она смотрела на меня, но, казалось, разговаривала сама с собой. Спохватившись, сама предложила мне проводить ее домой. И я сразу же забыл, что мне очень далеко до звания «первый парень на деревне Москва». Едва сдержал себя, чтобы не запрыгать от радости.

– Я на Стройпромовской живу, – сказала она.

Мы шли по скверу. Лиза смотрела по сторонам – наблюдала за проходящими мимо людьми, что-то себе подмечала. А я ничего не видел вокруг, настолько был взволнован.

– Я знаю, – кивнул я.

– Следил за мной? – с осуждением, но вместе с тем и одоб-

рительно повела она бровью.

– Да... То есть нет... Я тоже на этой улице живу, только через пять домов дальше...

– Это, считай, окраина...

– Ну да, новый дом...

– Если твой отец большой человек, то почему вы квартиру здесь получили? – скептически глянув на меня, спросила она.

И слова «здесь» в ее устах звучало как «здесь, в этой дыре». Спальный и не совсем благоустроенный микрорайон, дальняя окраина Москвы. Но мне в принципе здесь нравилось. Тем более что мне повезло попасть в класс, где училась сама Лиза.

– Ну, квартира служебная. А отец в центр перебраться хочет, квартиру выбивает...

Лиза ничего не сказала. Заинтересованным взглядом она скользнула по длинноволосому парню в фирменном джинсовом костюме и кроссовках на толстой рифленой подошве. Он стоял возле зеленой «Лады» – далеко уже не новой, но, по всей видимости, своей. К нему подходила девушка – симпатичная и такая же упакованная: легкая курточка из тонкой кожи, джинсовая юбка, модные сапоги на шпильке. На нее Лиза глянула, как мне показалось, завистливо. То ли ей не понравилось, что у нее такой парень, то ли – позавидовала ее прикиду...

– А у тебя машина есть? – спросила она вдруг.

– Зачем она мне? – пожал я плечами. – Прав-то все равно нет. Да и были бы, все равно только после восемнадцати можно...

– А у отца?

– Да, «двадцать четвертая» «Волга»...

Она ничего не сказала. И всю дорогу молчала, думая о чем-то своем. Мне тоже не хотелось говорить. Для полного счастья на данный момент мне достаточно было просто идти рядом с ней. И думал я только о ней, а не о чем-то другом.

А она, казалось, и вовсе забыла обо мне. Только возле самого дома вспомнила, что я рядом с ней.

– А-а, ты еще здесь... О чем-то я хотела тебя попросить... Да, ты что-то про машины говорил. Если твой отец нам поможет, я буду очень тебе благодарна... Даже в кино с тобой смогу сходить...

«Даже», «смогу» – явные признаки того, что в кино со мной она ходит из одолжения. Но я готов был на любые жертвы ради нее...

Глава 8

Отец меня чуть не убил, когда я замолвил слово за Лизу и ее родителей. «Да как ты можешь!», «Да как я могу!», «Да что про меня подумают!»... Но я был настойчив в своей просьбе, и в конце концов он сдался.

Разумеется, первым делом я поспешил обрадовать свою возлюбленную. Встал пораньше, отправился к ее дому с намерением перехватить по дороге и с ней дойти до школы. Но Лиза не появлялась. В школе уже начались уроки, а я все ее ждал. В конце концов ушел без нее.

Я думал, что в тот день ее вообще не будет в школе, но она появилась в середине третьего урока. Как ни в чем не бывало вошла в класс, озаряя пространство вокруг себя, мило извинилась перед учителем за опоздание, заняла свое место...

Я радовался тому, что снова могу ее видеть. Но в то же время меня душила ревность. Ведь у меня был соперник, и, как это ни обидно было осознавать, более удачливый, чем я.

Не знаю, был ли Гена Возников так же сильно влюблен в Лизу, как я, но ухлестывал он за ней порядком. Вряд ли она его любила, но знаки внимания с его стороны принимала благосклонно. И совсем не возражала против того, чтобы он сидел за одной с ней партой. Никто не возражал против этого, потому как Гена был признанным в классе авторитетом. Рост, плечи, объем грудной клетки, сила в руках – все

в его пользу. Маленькие хищные глазки, брови как два крыла собирающегося взлететь орла; крупный с горбинкой нос, массивный, выпирающий вперед подбородок. Не красавец, но тем не менее Лиза сидела за партой с ним, а не со мной.

Я видел, как Гена повернулся к ней, откинув руку в сторону – как будто собирался обнять ее. Лиза улыбнулась ему, села, поставив на колени сумку с учебниками. А он плавно опустил эту руку вниз, как бы огладив ее спину... Если бы он действительно провел рукой по ее спине, я бы... Да я бы... Нет, ничего бы я не смог поделать с ним. Во-первых, Лиза должна была возмутиться, и только тогда у меня могло появиться право вступить за нее. А возмутится ли она? Вряд ли... А во-вторых, Гена был гораздо сильнее меня. Ему бы хватило одного удара, чтобы сломать мне челюсть в двух как минимум местах... Так думал я, глядя, как он что-то шепчет ей на ухо, а она улыбается, внимая ему...

Но на перемене Лиза внимала мне. С милой улыбкой и даже нежностью во взгляде.

– А не врешь?

– Ну, нет... – млея от удовольствия, мотнул головой я. – Ты мне скажи номер очереди на машину, свой адрес, фамилию-имя-отчество своего отца... Вот увидишь, все будет очень быстро...

Отец меня не подвел. Уже через неделю после этого разговора родители Лизы получили телеграмму-молнию с приглашением прибыть за автомобилем «Жигули» марки

«ВАЗ-2107». Оплатить, получить и радоваться жизни...

– Трохин, даже не знаю, как тебя благодарить! – радовалась Лиза.

– Мы можем сходить в кино, – нерешительно сказал я.

– Может, лучше я тебя поцелую?

Она и впрямь меня поцеловала. В щеку, но на виду у всех, прямо в школьном коридоре. Правда, в классе она села за стол не ко мне, а, как всегда, к своему Возникову. И что-то радостно сказала ему, взглядом показав на меня.

Какое-то время Гена молча переваривал услышанное, только затем глянул на меня – резко, неприязненно и с угрозой.

Отвернувшись, он продолжал размышлять о чем-то для себя неприятном. И так он погрузился в свои мрачные думы, что в упор не замечал математичку. Лилия Сергеевна терпела не долго. Спросила его по новой теме раз, другой и в конце концов вlepила ему двойку. А я, как назло, за работу на уроке получил «отлично». Надо было видеть, каким взглядом одарил меня Гена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.